

Скалолазка

Олег СИНИЦЫН

Скалолазка и мертвая вода

«Автор»

2003

Синицын О. Г.

Скалолазка и мертвая вода / О. Г. Синицын — «Автор»,
2003 — (Скалолазка)

Алена Овчинникова, скалолазка и переводчица с древних языков, приглашенная на светский прием во Францию, становится невольным свидетелем убийства врача, изучавшего средневековые работы алхимиков о так называемой мертвой воде. Скалолазка оказывается втянута в противостояние с таинственной организацией, стремящейся с помощью легендарной жидкости взять мир под контроль. Только напрасно организация «тронула» Алену, девушку со стальной хваткой, невероятным желанием добиться правды и упрямым характером, – за таинственным эликсиром она пойдет хоть на край света и найдет его вопреки проискам врагов...

© Синицын О. Г., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	36
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Олег Сеницын

Скалолазка и мертвая вода

Часть I

Французский пируэт

Глава 1

Как испортить приятный вечер

Не хотела я ехать во Францию двадцать четвертого мая. Видит бог, упиралась руками и ногами. Еще свежи были воспоминания десятилетней давности о приключениях на Средиземном море. Но Верочка Шаброва, моя подруга и лучшая переводчица в архиве, буквально на коленях стояла:

– Я ведь даже за пределы Московской области не выезжала, – умоляла она. – А ты весь мир объездила, все за границей знаешь! И ведь едем не работать – на вечеринку же приглашают!

Для французского этнографа Анри Жаке Верочка перевела один древний текст, который позволил ему восстановить культуру и традиции обособленной галльской деревни, тысячелетия полтора назад существовавшей на севере Франции. В честь этого открытия Жаке устраивал вечеринку. Пригласил и Шаброву, но та в одиночестве ехать отказалась, и этнограф позволил ей взять с собой подружку.

Вообще-то заманчивая была идея. Слетать на вечерок во Францию, погулять, повеселиться, а на следующее утро вернуться обратно, ощущая себя состоятельной особой. Но у меня денег не было даже на авиабилет. Я наметила купить приличную страховочную беседку, а этот загул мог отдалить приобретение как минимум на пару месяцев.

– Он все оплатит! – обещала Вера. – Он сказал, что не будет проблем!

В серьезности намерений этого француза я убедилась, когда в аэропорту имени Шарля де Голля нас встретил длиннющий лимузин. Солидный чернокожий водитель сразу поинтересовался, не желаем ли мы сперва отправиться в салон красоты? Мы с Шабровой от такого комплимента слегка остолбенели. Я не отрицаю, что наши юбки от Армани, которыми торгуют на Черкизовском рынке, изготавливают где-то в Подмоскovie. У Верочки на глазах очки, словно две лупы; она без них как в виртуальной реальности – границы мира исчезают, физические законы перестают действовать. В общем, запинается обо все, натывается на острые углы и крикливых старушек. Да и я с двумя заплетенными косичками выгляжу как школьница. Но нельзя же так откровенно оскорблять дам!

Оказалось, он подразумевал – не хотим ли мы сделать прически. Мы с Верой переглянулись. Тратить деньги на марафет как-то не рассчитывали, тем более что сделать прически можем и сами, по дороге.

Ехали часа два. В лимузине было весело. Вера нашла мини-холодильник с шампанским (которое, как ни странно, оказалось французским), и мы выпили целую бутылку. Потом принялись начесывать друг другу волосы и скреплять лаком, едкий запах которого распространился по всему салону.

Верочка натянула нечто в черную полоску «а-ля вдова моряка». Насколько я знаю – единственный ее выходной костюм. Я влезла в светлое платье – с блестками и открытой грудью, которое одолжила у бывшей однокурсницы. Закончив исторический, она вышла замуж за биз-

несмена среднего пошиба и сделалась домохозяйкой. Зачем, спрашивается, оканчивала «Древние языки»? Ума не приложу. Одно только знаю: когда у некоторых людей появляются деньги, они портятся... Не деньги, конечно. Люди. Шла к ней, словно к царице в ножки кланяться. Однокашница обрела надменность и располнела. Все никак не может похудеть после родов. В меню ресторанов знаете сколько всего вкусного?.. Короче, велела мне быть аккуратной и на всякий случай назвала цену платья. Когда несла его домой, все боялась, что на меня грабители нападут...

Наконец лимузин выехал к реке, берега которой утопали в пышной зелени плакучих ив и тополей. Проехав пару километров, впереди мы увидели арочный мост, на котором раскинулся особняк девятнадцатого века. Вы видели такие? Лично мне не приходилось!

Особняк на мосту. Удивительное зрелище. Длинное здание, протянувшееся от одного берега до другого. Стены из белого камня увиты плющом. Там и здесь декоративные башенки и шпили. Острроверхая зеленая крыша.

Лимузин остановился перед красной гостевой дорожкой, ведущей к ярко освещенному входу. Холеный лакей в желтой ливрее открыл дверь, и нам в глаза ударил яркий свет. Защелкали затворы профессиональных фотоаппаратов.

– Слушай, мы самолетом не ошиблись? – спросила я Шаброву. – Это, случайно, не церемония вручения «Оскар»?

– Здорово! – откликнулась Верочка и заторопилась к остальным гостям. Не успела я моргнуть, как она оступилась и рухнула вниз, увлекая меня за собой. Прямо перед глазами солидной публики и к радости пишущей братии мы распластались на ковровой дорожке. Две неизвестные дамы в подозрительных платьях и с дикими прическами. Раздался треск.

– Как все отрицательно! – пробормотала я.

Положила руку на бедро и обнаружила, что платье треснуло по шву. Края ткани, длиной сантиметров двадцать, разошлись, обнажив участок незагорелой кожи.

Светка меня убьет!

Я прикрыла треснувший шов ладошкой. Срочно требуется английская булавка!

– Извините, мадемуазель, ваша фамилия?.. – спросил лакей, помогая мне подняться.

– Шаброва, – ответила Верочка, думая, что обращаются к ней. Руками она шарила по дорожке в поисках своих телескопов.

– Очень хорошо... – Он пробежался взглядом по списку и удовлетворенно кивнул. – Прошу вас, проходите, пожалуйста. Только аккуратнее...

Я недовольно посмотрела на него. Чего это он вообразил? Что на вечер приехали две криворукие куклы-неваляшки, которые сначала испачкают красным вином скатерти, затем побьют фужеры, а в финале устроят настоящий скандал?

Однако лакей ничего такого не имел в виду.

– ... аккуратнее, не споткнитесь снова.

Я взяла Веру под ручку, и мы, стыдливо краснея, спешно преодолели гостевую дорожку. Наконец очутились в огромном зале, заполненном мужчинами в смокингах и дамами в роскошных платьях. Сверкали крупные бриллианты – у меня аж захватило дух! Я стыдливо дотронулась до своих стекляшек в мочках ушей, а Вера, кусая губы, теребила поддельный жемчуг на шее.

Столбы ломились от вина и закусок, между гостями сновали официанты в белых костюмах с золочеными пуговицами, скрипичный квартет наигрывал дворцовые этюды. Ну прямо день открытых дверей в Лувре!

– Ты же говорила, что будет вечеринка, – упрекнула я подругу. – А это – королевский прием какой-то!

– Так ведь здорово! – воскликнула Верочка и растянула губы в улыбке. – Смотри-ка, черная икра! Ух ты!

Мы набрали бутербродов с икрой, насколько хватило рук, и принялись их поглощать. Вкуснятина! Когда еще так полакомимся? Моей архивной зарплаты вряд ли хватит на половину этой тарелки.

В центре зала на небольшом возвышении находилось нечто огромное, накрытое темной материей. По размерам, наверное, не меньше площади моей квартиры.

– А это что такое? – спросила я, указывая бутербродом на непонятное сооружение.

Вера чего-то пробурчала с наполненным ртом. Я поняла, что она тоже не знает.

– А вообще, неплохо живут этнографы во Франции, – произнесла я, обводя взглядом зал.

– Это все наследственное, – ответила она, прожевав. – Семья Анри владеет сетью горнодобывающих компаний.

И запихнула в рот еще один бутерброд. Они такие маленькие, что даже кусать не нужно.

– Для горнодобытчиков – слабенькое здание, – сказала я. – Даже на нормальный фундамент денег не хватило.

Вера выпучила глаза, внутри нее что-то заклокотало. В следующий момент она фыркнула от смеха и обдала меня фонтаном черной икры.

Я замерла с открытым ртом.

– Ну, спасибо, подруга! – заявила я, вытирая с лица крохотные пузырьки, которые лопались от прикосновения. – Могу теперь хвастаться в архиве, что купалась в черной икре.

Вера виновато смотрела на меня.

– Не переживайте так сильно, – раздалось за спиной. Я повернулась и обнаружила перед собой невысокого француза с буйными, кучерявыми волосами.

Жаке было уже под сорок. Выглядел он подтянутым, лицо загорелое, угловатое тело облачал фрак, на груди сияла какая-то звезда с лентой. Не этнограф, а целый маркиз!

– Здравствуйте, Вера! – произнес он. – Очень рад, что вам удалось прилететь! Без вас праздник не был бы полным... – Он повернулся ко мне: – Вы, наверное, подруга Веры?

– Нет, призрак отца Гамлета, – недовольно ответила я. Несколько слипшихся икринок отвалились от щеки и шлепнулись на паркет.

– Пожалуйста, не переживайте из-за этого недоразумения. На втором этаже есть туалетная комната, там вы сможете привести себя в порядок.

Я не знала, куда глаза спрятать от стыда.

– Меня зовут Алена Овчинникова.

– У вас очень оригинальное платье, – произнес он, легко пожимая мою руку, измазанную в черной икре. – Особенно интересен этот разрез.

Я поняла, что он говорит про трещину на бедре. Вот проклятье! Срочно нужна английская булавка!

– Так где, говорите, туалетная комната? – спросила я.

На второй этаж особняка вела широкая мраморная лестница. Я вбежала по ней, прижимаясь к перилам.

Второй этаж оказался таким просторным, что в нем запросто можно было заблудиться и забыть о цивилизации. Как Робинзон Крузо на необитаемом острове... Где здесь туалетная комната? Какие-то коридоры, двери... Статуи и бюсты неизвестных мне личностей... Опознала только Вольтера.

Ни одного слуги, который мог бы указать место, где можно глянуть в зеркало, соскрести с лица несостоявшееся рыбе потомство, умыться и припудрить щечки. Что за безобразие такое!

Я шла по коридору, выковыривая из волос икру. Если честно, то в одиночестве я себя намного уютнее чувствую, чем на великосветских приемах. Не переносу напыщенности... А знаете, один хороший человек оставил мне в наследство средневековый замок в Баварии!

Правда-правда. Так уж вышло. Только я не могу принять наследство. Не могу заставить себя. Ведь ничем не заслужила этот подарок.

Слуга этого господина, Лукас, постоянно звонит мне в Москву, интересуется, когда я вступлю во владение. Требуется, чтобы я переехала жить в Германию, представляете? Грозится подать на меня в суд. Он вообще-то добрый старик, но не понимает, что я не имею морального права воспользоваться подарком. Я не жена и не дочь герра Вайденхофа, даже не родственница. Я спасала своего бывшего мужа, когда наши с Вайденхофом интересы пересеклись. Да и не по душе мне каменные стены, огромные залы, чопорность. Роднее потолки в два семьдесят, тесные комнаты, перебои с горячей водой, крики детей, доносящиеся со двора...

Коридор вывел к широкому панорамному окну. Из него открывался удивительный вид. Кажущийся километровой длины зеркалом, водный поток, окруженный кудрявой зеленью деревьев, нырял под стену особняка. Такое чувство, словно ты на теплоходе, который застрял поперек реки.

Я пошла вдоль окна, не отрываясь от пейзажа. Слева раздался голос. Низкий, с хрипотцой. Услышала только окончания английских слов.

Обернулась.

От галереи, по которой я двигалась, в глубь дома вел узкий коридор. В нем стояли два человека. Один был облачен во фрак, как и большинство присутствующих на вечере. Голова лысая, словно бильярдный шар. В руке он держал странный загнутый нож. Этот лысый слушал собеседника и выскребал острием ножа глаз у бюста Александра Македонского... Второго я почти не разглядела. Его лицо скрывала широкополая шляпа, кроме того, глаза скрывали черные очки... Зачем они ему понадобились? Я бы не сказала, что свет в коридорах слепит глаза.

При моем появлении они перестали говорить. Нож из руки лысого исчез. Лица повернулись в мою сторону. Словно я помешала им. Словно стала свидетельницей крупной наркосделки. Таких людей в живых не оставляют. С ними разделяются либо сразу, либо чуть позже они неудачно падают под колеса несущегося поезда, либо пытаются плавать с бетонным блоком на щиколотках.

Мне сделалось холодно.

– Вы не подскажете, где здесь туалет? – только и пришло мне в голову. – А то я без своих контактных линз совершенно ничего не вижу!

Моя отмазка не сработала. Лысый сделал шаг ко мне. Глаза смотрели недобро. Я прекрасно помнила, что у него есть нож.

– Да! – нервно улыбнулась я. – Туалет, наверно, там, дальше по коридору.

Ноги сами понесли меня. Сердце гулко стучало в груди. Видит бог – не хотела я ехать во Францию! Чувствовала, что опять попаду в переделку.

Я пробежала галерею и свернула за угол. По левой стороне протянулся ряд дверей. Я толкнула первую, вторую, третью – заперто!

На счастье четвертая распахнулась!

Я скользнула в комнату. Прижалась к двери, прислушиваясь.

Из коридора донеслись медленные шаркающие шаги, скрипнул паркет...

Легкий щелчок!

Преследователь попытался открыть первую дверь. Пара шагов – и еще один щелчок. Это вторая дверь.

Я опустила взгляд на дверную ручку и спешно нажала кнопку запора.

Щелчок при попытке открыть третью дверь раздался совсем близко. Я прижала руку к груди, пытаясь унять колотящееся сердце.

Золоченая шарообразная ручка на моей двери медленно повернулась.

Я не сводила с нее взгляд, не в силах выдохнуть.

Щелкнул блокиратор, не позволив ручке повернуться дальше.

Повисла пауза. Лысый стоял у двери и держал ручку. Он знает, что я здесь! Если он не отступит – я не выдержу и закричу. Так закричу, что лампочки в плафонах полопаются.

– Чиву! – позвал издали глухой голос. – Брось ее... Он уже внизу!

Отпущенная ручка крутанулась назад. Осторожные шаги лысого Чиву замерли. Я тихо выдохнула.

Господи! Нужно предупредить Жаке! На его прием пробрались отморозки, которые замыслили что-то недоброе.

Я обернулась и обнаружила, что пол и стены в помещении выложены натуральным зеленым мрамором. Даже умывальник – и тот из мрамора.

Кажется, я нашла туалетную комнату.

Потребовалось немного времени, чтобы смыть с себя черную икру и скрепить лопнувший шов парой булавок. После этого я причесалась, подкрасила глаза, аккуратно подвела губы (а куда без этого!) и осторожно выглянула в коридор.

Никого. Если кто-то вообще был. Вдруг мне почудились два жутких головореза?

Проходя мимо панорамного окна с видом на реку, я заглянула в ответвляющийся коридор. Нет, парочка мне определенно не почудилась. Гипсовая голова Александра Македонского взирала на противоположную стену единственным глазом. На месте второго зияла дыра – словно скульптор запечатлел царя павшим на поле боя, когда ворон уже успел полакомиться... Видела я этого «ворона»! У него лысая голова, а клюв... стальной и острый как бритва.

Минут десять искала лестницу вниз. Не понимаю, как Анри Жаке без карты ориентируется в лабиринтах собственного особняка? Здесь можно целую роту солдат потерять.

Вот, наконец, и лестница!

Я быстро сбежала вниз.

В зале ничего не изменилось. Скрипичный квартет беспечно играл Моцарта. Дамы сверкали друг на друга бриллиантами, будто на лазерном шоу. Мужчины соревновались на количество выпитого. Непонятное сооружение посреди зала по-прежнему скрывала темная ткань. Очевидно, под ней взору гостей приготовлен какой-то сюрприз. Не люблю сюрпризы. Для меня они обычно оканчиваются неприятно.

Определив свое географическое положение, я заключила, что спустилась со второго этажа совершенно не там, где поднималась. Кажется, с противоположной стороны зала. Черт возьми французских архитекторов! Возомнили себя Дедалами!¹

Не теряя времени, подошла к первому лакею, стоящему возле стены. Он не отличался ничем от цветов в горшках и бесчисленных бюстов. Короче говоря, присутствовал в качестве интерьера.

– Извините, – прошептала я.

– Что угодно, мадемуазель?

– Там у вас на втором этаже гуляет человек с ножом!

Лакей сухо улыбнулся.

– Очевидно, он режет торт, – предположил он.

Я исподлобья посмотрела на него, вздохнула и отошла в сторону. Бесполезно разговаривать с пешками, от которых ничего не зависит. Нужно найти Жаке. Уж он поймет меня. Он отвечает за безопасность каждого гостя на своем вечере. Должна же здесь быть охрана!

Приподнявшись на цыпочки, стала оглядывать зал, но, как назло, не видела ни кудрей этнографа, ни черных полосок матросского платя Верочки. Проклятье!

¹ Дедал – в древнегреческой мифологии являлся искусным мастером и архитектором. Построил для Миноса, царя острова Крит, знаменитый лабиринт.

Возможно, и моей жизни угрожает опасность. Я стала свидетельницей... только чего? За что меня преследовали? За то, что видела, как лысый со странным именем Чиву выковыривал глаз у гипсового Александра Македонского?

Ну уж нет! Что-то готовится. На званый вечер с ножом в кармане не приходят. И уж тем более не портят имущество и не бегают за некоторыми из гостей, которые что-то слышали, но разобраться в услышанном не в состоянии.

Я сильно разволновалась и взяла с подноса пролетавшего мимо официанта бокал шампанского. Колбочие пузырьки ударили в нос, но напиток мне понравился. Такой нежный, ароматный... Надо взять еще, чтобы успокоить нервы. Отдых называется! Не пришлось бы, вернувшись в Москву, отправиться к психиатру. «Доктор, мне кажется, что меня преследуют мужчины с ножами». «Какой замечательный образец фрейдистских комплексов! Вы не подождете, пока я позову студентов?»

Слуги с шампанским, похоже, озадачены не угостить каждого приглашенного, а намотать определенное количество кругов по залу. Завидев среди дорогого сукна желтую ливрею, я бросилась наперерез, потрясая перед собой фужером. Но за несколько шагов до заветного подноса, не привыкшая ходить на высоких каблуках, я споткнулась и упала, попутно повалив какого-то белесого старичка.

– Позвольте вам помочь! – спешно произнес старичок, когда я уже вскочила, а он все еще кряхтел, сидя на полу.

– Простите меня! – взмолилась я. – Честное слово, это вышло случайно.

– Ну что вы, что вы! Позвольте все же, я...

Однако проявить галантность ему не удалось.

Встать помогала ему я.

Пока старичок поправлял смокинг и бабочку, я быстро его оглядела. Среднего роста, лет шестидесяти, с белыми словно снег волосами, такими же усами и бородой. У него были белесыми даже брови и ресницы. Прямо Дед Мороз какой-то! Только бородка аккуратно подстрижена.

– Было очень приятно изучить вместе с вами укладку паркета, – произнес старичок. – Можно узнать, как вас зовут?

– Меня зовут... Алена Вайденхоф.

– О, вы дочь покойного Карла Вайденхофа?

Антрополога, оставившего мне в наследство замок, оказывается, знали не только в Германии.

– Я его внучатая племянница.

Дед Мороз замер на секунду. Настала его очередь представиться, но он, наверное, пытался понять выражение «внучатая племянница».

– Клаус Энкель, – наконец произнес он. – Я – доктор медицины.

– Как интересно! – Я восторженно захлопала глазами. Надеюсь, из меня получилась настоящая пустышка. – Всегда мечтала быть доктором... И чем же вы занимаетесь?

Он улыбнулся... Как бы от него отвязаться?

– У меня своя клиника в Швейцарии. Занимаюсь в основном переломами. Сложными переломами, после которых приходится долго восстанавливаться.

Пора отделаться от этого милого старичка. Я решила пойти напролом.

– Извините, мне нужен хозяин этой вечеринки.

– Анри? – Поднял белесые брови доктор. – Он скрылся на втором этаже с какой-то дамой в очках...

– И в полосатом платье?

– Ну да.

Вот незадача! Куда они с Веруней направились?.. Снова подниматься наверх? Я там окончательно заплутаю!

– А куда он поднялся? Вы не знаете точно?

– Не волнуйтесь! – заверил Энкель с добродушной улыбкой. – Он спустится через несколько минут, чтобы продемонстрировать сюрприз. – И доктор указал на закрытый тканью постамент. – Расслабьтесь, выпейте еще шампанского, – предложил он.

Я поймала очередного официанта за рукав и обменяла пустой фужер на полный. Выпила залпом и взяла еще один. Нервы, кажется, успокоились, но увлекаться нельзя. Это я с виду крепкая, а на самом деле от вина меня здорово развозит. Помню, на дне рождения Сереги Фролова, альпиниста и путешественника, оказалась в чисто мужской компании. Дата была не круглая... Они пили только водку, и я осталась один на один с бутылкой болгарского мускатного. Не заметила, как опустошила ее. Рассказывали потом, что стояла на балконе и грозилась спрыгнуть с четвертого этажа без парашюта. На спор. Клялась, что не разобьюсь. Потом села в прихожей, чтобы обуться, да так и уснула.

Хорошо – мальчишки меня домой завезли. Сами отправились в ночной клуб...

– А вы чем занимаетесь? – вежливо поинтересовался Энкель.

– Переводами.

– Литературными?

– Нет. В основном с древних языков. Греческого, египетского и других.

– Да что вы говорите?! – удивился доктор.

Я вопросительно развела руками.

– А что, собственно, такого? Профессия как профессия. Не хуже других.

– Господь услышал мои молитвы и послал вас! – произнес Энкель. – Дело в том, что последние пять месяцев я не могу перевести одно загадочное слово.

Я нетерпеливо оглянулась в поисках Жаке. Хозяин вечеринки как сквозь землю провалился.

– Если это известный язык, то проблем нет. Если такой, о который поломала зубы лингвистическая наука – вроде этрусского, или минойского линейного письма А, – то извините... Вы знаете, какому языку ваше слово принадлежит?

– К сожалению, нет.

– Тогда так. Нужно выяснить, в каком географическом месте обнаружено слово. Принадлежит оно живой речи или встречается лишь на глиняных табличках – в сущности не важно. Следует заглянуть в краеведческую литературу и выписать, какие народы населяли данный регион, на каких, языках разговаривали. Дальше смотрим их словари...

– Дело в том, что я не представляю, откуда взялось это слово.

Я удивленно посмотрела на него. Обычно незнакомый человек кажется загадочным, а его судьбу скрывают потемки. Только после знакомства узнаешь, что ничего загадочного в нем нет, что у него двое детей, а жену зовут Марта. С Энкелем получилось все наоборот. Глянув на доктора в первый раз, я решила, что все про него знаю. Внешность настолько красноречиво говорила о его простоте и традиционном развитии карьеры, что не требовались никакие расспросы. Но откуда-то возник странный его интерес к какому-то слову, и чем дольше я общалась с ним, тем таинственнее он казался.

А может, он антидепрессанты принимает? Ведь они могут оказывать легкое наркотическое воздействие.

– То есть вы хотите сказать, – произнесла я, – что переводите слово, не зная, откуда оно взялось?

– Все очень сложно... – он неловко улыбнулся. – На самом деле вы недалеки от истины.

– Что же это за слово? Быть может, я прямо сейчас решу вашу проблему.

Он обрадовался и полез в карман. Через секунду вытащил золоченый «Паркер» и, взяв салфетку, вывел на ней латинскими буквами: FURUM

Я задумчиво потерла подбородок.

– В оригинале слово написано латинским шрифтом?

– Да. Но мне кажется, что это транскрипция с какого-то языка.

– Случайно, не аббревиатура?

– Не знаю, скорее всего – нет.

Я хлебнула шампанского. Оно такое классное, что точно в конце концов напьюсь!

– Это не может быть латинское «*forum*», которое переводится как «площадь»?

– Тогда отгадка была бы совсем простой.

– Конечно... В английском «*fug*» означает «мех», суффикс «*-ign*» в эсперанто, например, образует новые слова... Однако... М-да, надо признаться, сложная загадка. Выяснить бы регион, где обнаружено слово...

В этот момент оборвалась музыка. Струнный квартет замер на середине такта. Моцарт остался недоигранным.

– Мадам и месье, позвольте воспользоваться минуткой вашего драгоценного внимания! – пронесся над залом голос, перекрывая царивший вокруг шум.

Я обернулась и увидела Анри Жаке. Этнограф стоял на небольшом балкончике второго этажа. Рядом с ним испуганно пристроилась Верочка. Сразу было видно, что Жаке неожиданно вытащил ее на всеобщее обозрение.

Нашлись! Мне нужно к ним... Собственно, зачем же я так упорно искала этнографа? Разговор с Энкелем сбил меня с цели. Я бы точно вспомнила, если бы имелась хоть секунда на размышления. Но события развивались стремительно. Наваливались одно на другое, словно падающие бетонные плиты. Кто бы смог остановить их? Только сунься – костей не соберешь!

– Позвольте продемонстрировать то, ради чего я вас пригласил сегодня! – произнес с балкона этнограф.

В руке Жаке оказался какой-то пульт, напоминавший «лентяйку» телевизора. Он демонстративно, чтобы видели все, нажал на нем кнопку, и темная ткань, накрывавшая огромный постамент посреди зала, поплыла вверх, уносимая под потолок несколькими веревками.

Я взглянула на доктора Энкеля и обнаружила на его застывшем лице испуг. Он смотрел не туда, куда были обращены взоры остальных людей. Он смотрел влево, в сторону от постаментов. Его борода вдруг затряслась, а глаза увлажнились.

Из-под темной ткани появились какие-то грубые деревянные доски, комья коричневой земли.

– Я могу попросить вас об одолжении? – вдруг быстро произнес Энкель, продолжая смотреть в толпу приглашенных.

– Смотря о каком, – осторожно ответила я.

Он взял из моих пальцев фужер и резким движением выплеснул из него шампанское в кадку с декоративной пальмой. Свободной рукой достал из внутреннего кармана маленький флакон, в котором плескалась темноватая жидкость. На флаконе я успела разглядеть ядовито – зеленую этикетку, обжигающую глаз яркостью цвета. На этикетке не значилось ни единого слова.

Его пальцы дрожали. Он открутил сложную крышку с запорными кольцами и винтами, глубоко выдохнул, словно перед прыжком на «тарзанке», и вылил содержимое в мой фужер.

– Подержите *это* некоторое время, – попросил Энкель, возвращая хрустальный бокал. Белесые глаза смотрели на меня с неземною тоской. – Я вернусь и заберу.

Не хочу! Не возьму! Уже знаю, что это закончится бедой!

Но доктор Энкель загипнотизировал меня умоляющим взглядом. И я ухватила ножку наполовину наполненного фужера. Зеркало темной, густой жидкости качнулось, угрожая выплеснуться.

Убедившись, что я держу фужер, старик разжал пальцы и отправил пустой флакон с зеленой наклейкой обратно во внутренний карман.

– Держите аккуратнее. Не прикасайтесь к жидкости, не пролейте... *И ни в коем случае не пейте!*

Это были последние слова моего мимолетного знакомого доктора Энкеля, разрушившего мечту русской переводчицы хоть на один вечер ощутить себя состоятельной особой. Женщиной, которая может себе позволить смотаться на вечерок во Францию, а утром вернуться в Москву. Дамой, которой не ведомы финансовые проблемы, которую не тяготят мысли о средствах на новую страховочную беседку...

Доктор Энкель рванулся в сторону, открыв моему взору ряд гостей. Я задохнулась от увиденного.

Наклонив голову и сердито взирая исподлобья, к доктору стремительно приближался лысый Чиву. Тот самый джентльмен, который минут двадцать назад лишил глаза бьюст великого древнегреческого полководца.

– Вы видите перед собой жилище наших предков! – вещал с балкона голос Жаке. – Это точно воссозданная картина быта семьи галльской деревни. До последнего узора на одежде, до последней площадки на столе...

Я сразу вспомнила, зачем искала хозяина сегодняшнего приема. Только слишком поздно.

В руке лысого Чиву появился уже знакомый нож. Устрашающее лезвие, загнутое словно клюв. Никто, кроме меня и Энкеля, не видел его. Взоры людей были обращены на выполненный в натуральную величину макет древнего галльского дома, который до сего момента прятался под черной тканью. У дома отсутствовали стены и крыша, чтобы окружающие видели восковые, но точно живые, фигуры крестьян.

– Поднята из небытия еще одна крупинка древнего мира, – произнес Жаке. – Я благодарен всем, кто помогал мне в этой работе.

Доктор Энкель не отрывал взгляда от ножа в руке лысого убийцы. На его лице читалось, что он ожидал чего угодно. Уговоров, обысков, побоев... Но только не лезвия, магически приковывавшего взгляд.

Чиву оказался в метре от доктора. Рука отошла назад. Энкель суетливо поднял ладони, почему-то закрывая лицо.

Я пронзительно завизжала.

Мой визг совпал с эмоциональным пиком окончания фразы Анри Жаке. Он стал первым камушком, сорвавшим лавину... Зал грянул аплодисментами и криками «браво!», мгновенно растворив и заглушив все.

Словно старый знакомый, Чиву обнял доктора левой рукой, а правой всадил нож в солнечное сплетение по самую рукоять.

Энкель даже не дернулся и умер с открытым ртом, сразу сделавшись похожим на восковые фигуры крестьян этнографической панорамы Жаке.

Я не могла отвести глаз, потрясенная и шокированная.

Продолжая обнимать мертвого доктора, Чиву прислонил его к стене. Рывок!.. Вытащил лезвие и тут же спрятал в рукаве. Похлопал Энкеля по карманам и достал пузырек с зеленой этикеткой. После этого застегнул пуговицы на пиджаке мертвеца, закрывая багровое пятно на рубашке.

Оглядевшись украдкой, лысый убийца отнял руки от Энкеля и отошел от него, словно здесь он совершенно ни при чем. Тело доктора осталось стоять, прислоненное к стене. На бело-

брысом лице замерло выражение крайнего изумления, будто мертвый доктор вместе с остальными гостями восторгался макетом гальского жилища.

Я растерянно посмотрела на недостижимый балкон с Анри Жаке. Боже, не в моих силах что-либо сделать сейчас!

Зал громыхал овациями.

Я перевела взгляд на Чиву и обнаружила, что лысый убийца пристально следит за мной... Он узнал меня! Он знает, что я видела, как он испортил бюст Александра Македонского... Какого, к черту, Александра! Я теперь свидетельница убийства!

Вдруг открыла для себя, что по-прежнему сжимаю в руке фужер с темной жидкостью. Что мне теперь делать с ней?

Чиву быстрым шагом направился ко мне.

Я побежала.

Глава 2

Ускоренный курс официантки

Бежать было некуда. Кругом – плотный частокол тел, облаченных в смокинги и модельные одежды. Не сделаю и пяти шагов, как столкнусь с каким-нибудь сэром или запутаюсь в шлейфе платья какой-нибудь графини. В итоге – разолью жидкость из бокала! Я очень боялась обронить хоть каплю ее. Чувствовала, что темноватая маслянистая субстанция очень важна и смертельно опасна. Недаром доктор Энкель хранил ее в плотно закупоренном флаконе с наклейкой такой ядовитой зелени, при взгляде на которую пробивала икота.

Чиву позади меня ускорил шаг. Я на мгновение задержалась, выбирая маршрут бегства, и бросилась вверх по лестнице, по которой спустилась минут двадцать назад.

Паника не позволяла мыслить рационально. Трезво оценить обстановку, найти правильное решение. Единственное, о чем я думала, – оказаться как можно дальше от Чиву. Его нож, спрятанный в рукаве и покрытый кровью доктора, ужасал меня. Очень не хотелось закончить сегодняшний вечер прислоненной к стене с широко распахнутыми глазами и ртом, словно я восторгаюсь этнографической композицией Анри Жаке. И с распускающимся под левой грудью на дорогушем Светкином платье кровавым пятном.

Никогда не пробовали бегать с наполненным бокалом? Я тоже на официантку не училась. Зеркало жидкости раскачивалось, едва не выплескиваясь через край. Приходилось вращать кистью, наклоняя бокал то вправо, то влево... Долго так бежать не удастся. Либо жидкость пролью, либо Чиву догонит... Отчего же такая тряска?

На бегу трудно соображать. Особенно когда голова занята преследующим тебя лысым мужиком с внешностью и замашками убийцы-садиста.

Все понятно! Я же в туфлях на высоком каблуке!.. Как бы их скинуть? На ходу – никак... Да еще это длинное платье! Я в него затянута, словно в чулок. Ноги в коленях связаны, могу лишь семенить... Тяжело дается образ богатенькой дамочки!

Вот и закончилась лестница. А что дальше? Чего я добивалась, улепетывая на второй этаж – пустой, как после взрыва нейтронной бомбы? Что мне здесь нужно? Затеряться в коридорах? Спрятаться за одной из дверей?

Если бы я знала...

Оглянулась. Чиву преодолел уже середину лестницы – лицо красное, а лысина мертвенно – бледная. Странная у него кровеносная система – словно в мозг вообще ни капли крови не попадает. Впрочем, у маньяков аномалии организма – в порядке вещей.

Кинулась по коридору. Каблуки зацокали по паркету. Звук отражался от стен, и с перепапу казалось, что меня слышно по всему особняку.

Обстановка кажется знакомой – двери, картины, бюсты... Но сориентироваться все равно не могу. Вроде была здесь, а вроде и нет.

Пролетела поворот. Со стороны, наверное, напоминаю бегущую куколку бабочки, гипертрофированно увеличенную. Часть жидкости выплеснулась из фужера, зависнув в воздухе. Покрывшись холодным потом и едва не поседев в свои молодые годы, я поймала этот «всплеск» хрустальной посудинной – словно непокорного подлещика поддела сачком.

Оказавшись за углом, едва не рухнула на пол от изнеможения – столько нервов отнял акробатический финт. Жидкость в бокале успокаивалась, а мне успокаиваться нельзя. Буквально на пятки наступает преследователь.

Нужно как-то задержать его... Ведь догонит же! У него нет на обуви таких сатанинских шпилек, как у меня!.. Догонит и прирежет. Прямо здесь, у основания коридора. Все стены будут в крови! Да... тяжело иногда бывает людям, у которых богатое воображение!..

Не теряя ни секунды, поставила фужер на подставку бюста Генриха Наваррского. Композиция получилась такая, словно французский король тянется губами к налитому стакану. Черт с ним, пусть лакает!..

Едва успела отвернуться от «алкоголика» Генриха, как убийца в расстегнутом смокинге вылетел из-за угла. Этаким раскочегарившийся паровоз! Руки-ноги мелькали, от физиономии – хоть прикуривай. Лысина, по-прежнему, бледная, словно у Чиву вообще нет головного мозга. Только накачанный спиной, контролирующий моторные функции...

Чиву несся на крейсерской скорости. Небось думал, что беглянка уже далеко. Он и представить не мог, что я стою за углом.

На такой скорости даже небольшая лужица на паркете, даже складка на ковре может стать роковой. Я лишь вытянула ногу...

Чиву кубарем летел по ковровой дорожке коридора. Один раз преследователя неплохо шибануло о стену, на которой остался влажный след от его вспотевшей головы. Загнутый нож выпал из рукава и зазвенел по паркету. Вид кувыркающейся отточенной железяки вызвал во мне произвольную дрожь.

Нужно улепетывать. Но от страха ноги росли в пол. Я не сводила взгляда с этого ублюдка. Чиву сел. Глаза затуманены. Помотал лысой головой и снова опрокинулся на ковровую дорожку. Однако основательно его о стену приложило. И поделом! Вызвать бы охрану... Только где ее найти?

Чиву вновь сел. Взгляд сделался осмысленным. Теперь убийца смотрел на меня. Пронзительно и грозно. Нужно бежать... Впрочем, я уже думала об этом. Так почему до сих пор стою на месте!?

Пока есть время, следует разобраться с обувью. Бег на шпильках – это извращение!

Спешно принялась стаскивать туфли. Левая застряла. Надо расстегнуть ремешок, но я не могла этого сообразить и пыталась стащить туфлю так, не расстегивая.

Тем временем Чиву шарил рукой по паркету в поисках ножа. Ему не потребовалось много времени, и я отчетливо услышала легкий звон металла, скребущего по полированному дереву.

Нашел...

Проклятая туфля никак не слезала...

– Оставь воду, – вдруг произнес Чиву на французском. Таким ужасном, что я, огоршенная, забыла про туфлю. Для меня, как лингвиста, такое обращение с языком – признак варварства. Не умеешь говорить – изъясняйся жестами! Или узелки завязывай, как индейцы в Америке!

А голосок у него! Низкий, глухой – словно обладатель связок заточен в каземате, обитом войлоком. Чиву встал на колени, будто собираясь признаться мне в любви. Только странно выглядело бы признание с ножом в руке!.. На самом деле подняться на ноги он просто не мог. Серые бесцветные глаза по-прежнему закрывала мутная пелена.

– Оставь воду, и я тебя не трону, – произнес он.

– Фигушки! – назло воскликнула я и, увидев недоумение в его глазах, сообразила, что сказала это по-русски.

Сдернула наконец туфлю, подхватила бокал с подставки бюста (Генрих Наваррский, как мне показалось, посмотрел на меня с обидой) и кинулась обратно, оставив Чиву на коленях посреди коридора. Слово любовника, которому навеки разбила сердце...

По правую руку тянулись безмянные двери. Ноги несли назад к лестнице. Без туфель бежать гораздо удобнее. Еще бы избавиться от платья... Так, что делать теперь? Чиву отстал на десяток секунд – времени хватит, чтобы найти какого-нибудь лакея и встряхнуть его. На этот раз ребята из обслуги от меня так просто не отделаются! В особняке совершено убийство!! Попахивает скандалом! Нужно было сразу поднять на ноги охрану. Возможно, Энкель остался бы жив...

До ступенек оставалось еще метров восемь. Да, такие вот длинные коридоры. Особняки французских горнодобытчиков слегка отличаются от наших двухкомнатных апартаментов...

В конце коридора появились несколько лакеев в белых ливреях с золочеными пуговицами.

– Слава богу, – облегченно вздохнула, но быстро поняла, что расслабилась слишком рано.

Все оказалось намного сложнее, чем хотелось бы. Господи! Ведь не желала ехать во Францию! Ведь чувствовала, что закончились мои беспечные поездки за границу! Больше никогда... слышите?... никогда не выеду даже за пределы МКАД! Лучше лежать дома на диване, чем в деревянном ящике с цветочками в руках и кучей дырок в животе...

Передо мной были совсем не лакейские лица. Прищуренные взгляды, каменные скулы... Уверена, что Жаке не нанимал этих слуг. Поразительно, но никто не заметил, как нелепо и смешно сидят ливреи на их рельефных торсах, а под тканью рукавов переливаются совершенно не лакейские бицепсы.

В белых перчатках «прислуги» оказались короткие пистолеты-пулеметы (потом я выяснила «Хеклер-Кох»). Три «лакея» – три ствола.

И все, как один, направлены на меня!

Итак, я очутилась посредине коридора, выход из которого с одной стороны перегораживали несколько лакеев с «Хеклер-Кохами» в руках, а с другой – шатающаяся фигура лысого почитателя холодного оружия. Я оказалась в ловушке. Как серая мышь между матерыми котами. Как беглый заключенный между расвирепевшими от долгого преследования охранниками.

– Что вы хотите?! – закричала я, едва не плача. – Мне не нужна эта жидкость! Возьмите ее! Только отпустите меня! Пожалуйста!

Псевдолакеи с автоматическими пистолетами безмолвно приблизились. За их спинами мелькнула черная шляпа. Этого человека я видела вместе с Чиву, когда они задумывали... убийство Энкеля!

Да, так и есть.

– Поставьте воду на пол! – приказал один из лакеев. У этого с французским все в порядке. Господи! О чем я думаю!..

Стволы смотрели мне в грудь, но взгляды обладателей «Хеклер-Кохов» не отрывались от фужера с жидкостью, который я сжимала в руке. Такие странные взгляды. В них застыло легкое безумие.

– Поставьте воду на пол! – повторил один из лакеев. В его голосе я услышала истеричные нотки. Странно...

Человек в черной шляпе уже исчез. Но речь не о нем.

Мне вдруг сделалось ясно.

ОНИ СМЕРТЕЛЬНО БОЯТСЯ ЖИДКОСТИ, КОТОРУЮ Я ДЕРЖУ В РУКАХ!

Эти люди напоминали бойцов антитеррористической бригады, взявших в кольцо исламскую террористку-смертницу, которая готова в любой момент взорвать себя и половину квартала. Вот такие у них были взгляды. Можно сказать – испуганные. Близкие к панике.

Что же я держу в руках?!

Неужели кто-то изобрел жидкую ядерную бомбу?

Оценив ситуацию, я выставила перед собой фужер и отступила к двери – единственной в коридоре. Как бы мне улучшить момент и прошмыгнуть в нее? Если дверь открыта, конечно. В противном случае, плохи мои дела.

– Стоять на месте!! Поставьте бокал!! – сорвался лакей. Он, видимо, у них считался главным. Поздоровее, да и лицо умнее, чем у остальных.

– Мне расхотелось.

– Будем стрелять!

– А в бокал попасть не боитесь? Разольется водица – придет вам конец! Будете извиваться и кашлять, пока не выкашляете свои легкие! Как вам такая перспектива?

Хоть я и придумала эту ерунду, но «лакеи» не смогли скрыть испуг. Их ободрил ковылявший с другого конца коридора лысый Франкенштейн, прооравший с чудовищным акцентом:

– Что вы уши развесили, идиоты! Она ничего не знает!

Дверь оказалась не заперта. Пока лакеи с «Хеклер-Кохами» пребывали в замешательстве, я толкнула ее спиной, проскользнула в комнату и закрылась. Только надавила на кнопку запора, как глухая, похожая на треск китайской петарды автоматная очередь прошла деревянное полотно. Едва успела отдернуть руку – чуть кисть не оторвало пулями.

Взволнованно дыша, прижалась к стене и смотрела на спасенную конечность. Тяжело бы мне без нее пришлось. С возлюбленными скалами уж точно пришлось бы распрощаться.

Хоть бы кто-нибудь на помощь пришел! Супермен там какой-то... Вечно приходится самой выпутываться, даже обидно. Я ведь женщина, а не десантник!.. И вообще: куда глядит охрана? В обсняяке людей режут, всюю из автоматов поливают, а охрана спит или режется в видеоигры!

Я оглядела помещение, в котором оказалась. Комната для отдыха. Красные кожаные диванчики, посередине маленький столик с пустой шахматной доской. Напротив меня – окно с неизменным видом на реку.

Путей отступления нет.

Дверь содрогнулась от удара, но замок и петли выдержали. Это вам не фанерные пустышки, которые ставят в наших домах. Натуральный бук! Мне бы такую в парадное...

Новая очередь прошла дверь рваным полукругом прямо над замком. Я заверещала. Едва жидкость не расплескала.

Надо бежать. Единственный выход – окно.

Но прежде необходимо перелить эту темную гадость, которой доктор Энкель «наградил» меня перед смертью, в более удобную емкость.

А может, оставить фужер с жидкостью здесь? Зачем он мне?

За тем, Алена, что один добрый человек перед смертью тебе доверился. Отдал на хранение, видимо, огромную ценность. Впрочем – и страшную опасность.

Наверное, я дурочка, но свое слово держу. Раз что-то обещала, то в лепешку расшибусь, но сделаю. Иначе в глаза человеку не смогу глядеть. Даже в мертвые. Дедушка с бабушкой меня воспитали так...

Дверь потряс новый удар. Бук держал. Пока дело не дошло до новой очереди, я отлепилась от стены и кинулась в центр комнаты. Мне бы графин отыскать или захудалую бутылку. Не могу же я лезть в окно с фужером в руке!

Вместо подходящего сосуда нашла на полу одинокий мужской башмак. Подняла.

Ну не в него же наливать!

Со злости запустила башмак в стену.

Дверь хрустнула. Прочный бук сдался под яростным натиском. А может, дверной косяк не выдержал. Так или иначе, времени на поиски сосуда не оставалось. Я распахнула окно и глянула вниз.

Мамочки! Вот это высота!

Отвесная стена устремлялась к воде, но метрах в пяти над рекой обрывалась пролетом между опорами моста.

Адреналин сразу забурлил в крови. Давненько ждал этого момента, чертяка. Давненько я не карабкалась по отвесным утесам и обрывам. Все спортивные залы, искусственные стены, болдеринги, скучные тренировки... Моя профессия – скалолаз-лингвист. Что это такое – расскажу как-нибудь позже. Сейчас времени нет.

Дверь содрогнулась от нового яростного удара. Я поставила фужер на подоконник и только собралась перелезть на стену, как запнулась и едва не полетела вниз. Опять это чертово платье! Обрезать, что ли, подол? В таком случае, если выживу сейчас, то, когда вернусь в Москву, меня прикончит Светка.

Торопясь, закатала подол до середины бедер, скрутив его так, чтобы не расправлялся. Английские булавки, которые некоторое время держали лопнувший шов, отскочили, я не стала их искать.

Перелезла на стену, нащупав ступнями узкое углубление между кирпичами. Вот безобразие! Кирпичи холодные! Неужели на этой стороне здания солнышка никогда не бывает?!

Стена противнейшая. Большие серые камни-кирпичи уложены аккуратно, на совесть, раствор нигде не вываливается – ну не свинство ли! Глубина зацепа не больше сантиметра. И как я буду карабкаться? Да еще с моим фужером?

Вздыхнула и зацепилась пальцами правой руки за едва прощупываемый паз.левой аккуратно взяла фужер с подоконника. Легкий прохладный ветер дул вдоль стены, пытаясь разлепить скрепленные лаком волосы. В полумраке сумерек зеркало реки под ногами казалось таинственным и мрачным. Из темных туч высунулась луна.

Высота вроде небольшая – и не такую видала, – а в груди перехватило. Лучше вниз не смотреть... Ох, ну не люблю ползать без страховки. Неуютно себя чувствую, не по-домашнему...

Из комнаты раздался деревянный треск и грохот упавшей двери. От неожиданности я едва не слетела с убогих зацепов.

Надо бы подняться выше!

Но проблема как раз в том, что не хватает одной руки. Именно той, которая занята фужером. Обычно одной держишься, а второй нащупываешь зацеп. Затем перехват, и все наоборот. А тут я держусь одной рукой и ею же должна молниеносно поймать следующую щель. Если пальцы соскользнут – потеряю равновесие, получив в награду недолгий (метров двадцать) полет и весьма неприятное купание. А если река здесь мелкая? Если дно завалено обломками камней, оставшихся после строительства особняка?

Я подтянула ноги, кое-как устроившись на скользких выступах. Рывком передернула руку на полметра выше. Получается по-черепаши, но хоть какое-то движение.

В комнате послышался топот лапеев! Господи, а я все торчу возле окна!

В два стремительных перехвата преодолела пару метров и оказалась над окном как раз в тот момент, когда лысая голова Чиву высунулась в проем. Он уставился вниз на темные воды.

Гладь реки бандит разглядывал бесконечно долго. Нависая над ним, я не решалась даже вздохнуть. Боялась, что услышит. Да и мои зацепы не такие надежные, чтобы дышать полной грудью без риска сорваться.

Чиву медленно посмотрел направо.

Потом налево.

– Поверить не могу... Она прыгнула! – раздался его утробный голос.

Кажется, он по национальности румын. Слишком уж акцент противный. К тому же имя похоже на румынское.

Из окна выглянул уголок черной шляпы.

Появился спутник румына – главарь шайки негодяев, испортивших чужой праздник. Вместе с Чиву он стоял возле окна. Затем что-то сказал, но я не разобрала слов. Слишком тихо и невнятно звучал его голос.

Чиву нерешительно кашлянул в ответ. А мне вдруг захотелось почесать подбородок. Так захотелось, что сил никаких не было терпеть. Дрожь до самых пят пробрала. Как почесать-то? Кончики пальцев правой руки засажены в узкую щель между кирпичами, в левой держу фужер... Можно, конечно, почесать краем фужера, но уж зело страшно подносить к

лицу неведомую гадость. Вдруг это новейшее бактериологическое оружие, одна капля которого уничтожит половину жителей какой-нибудь зажавшейся европейской столицы?

Почесала подбородок о стену. Как наждачной бумагой прошлась – зато зуд пропал. А снизу раздалось:

– Чудес не бывает... – это опять Чиву. – В воду она не прыгнула, улететь тоже не могла – на ангела не похожа...

Нельзя надеяться, что Чиву полный кретин. В конце концов сообразит и посмотрит наверх. Это очень неудобно, но для зверского дела, ради которого они убили доктора Энкеля, Чиву все варианты исследует.

Суетно принялась искать следующую зацепу. Если повезет, доберусь до крыши за пару перехватов.

Может, я и добралась бы до крыши незамеченной. Но откуда-то из-под руки, возможно, из складки платья или из волос вывалилась лепешка черных икринок.

Отделилась от меня. Совершила короткое падение. И, перевернувшись в воздухе, шлепнулась на вечно бледную лысину Чиву.

И почему мне так не везет? Икринки образовали на макушке лысого румына родинку. Чиву резко повернул лицо вверх. Вот он – момент откровения.

– Она здесь! Быстрее! – закричал он. Таиться больше не было смысла. Я перебросила правую руку на давно замеченную зацепу, поднялась на пару камней. Край оцинкованной кровли на расстоянии одного перехвата. Хорошо, что не далеко выдается над стеной – иначе бы не достать.

– Сейчас я подстрелю эту карабкающуюся курицу! – раздалось снизу.

Господи, я вообще-то не верю в тебя, но помоги мне быстро взобраться на крышу! Обещаю – буду ходить в церковь, молиться, солировать в церковном хоре... Что еще там делают? Обещаю – буду паинькой! Только помоги взобраться на крышу!

Снизу донесся металлический лязг. Кто-то проверил, заполнен ли магазин «Хеклер-Коха». А может, проскрежетал затвор? Игова его знает!

Выдохнула и, оттолкнувшись от стены, закинула свободную руку на край крыши. Ухватила мертвой хваткой. Ноги соскользнули с уступов (какая я неизлечимая оптимистка: называю эти скромные углубления «уступами!»), и я повисла на одной руке, с ужасом следя за жидкостью в бокале.

Водичка доктора Энкеля устроила маленький водоворот... Интересно, кто-нибудь из альпинистов совершал восхождение по стене дома с наполненным стаканом в руке? Предлагаю новый экстрим. Денег за идею можно не перечислять: мне они сейчас на хрен не нужны – особенно если кто-нибудь из этих доброжелательных парней все-таки разрядит в меня магазин пистолета-пулемета.

Я висела на одной руке, ухватившись за край крыши. Болталась, как макаронина. Под ногами двадцать метров пустоты, но все внимание сосредоточено исключительно на фужере. Сейчас самое главное – поднять его к водостоку и поставить туда, наверх. Тогда освобожу руку и смогу подтянуться – уберусь с линии огня.

Чиву внизу ругался по-румынски. Я не видела, что там творится, но чувствовала: с очередью по мне вышла заминка.

Плавно и элегантно, словно балерина, вскинула руку и поставила фужер в ложбинку водостока. Немного неровно. Фужер качнулся, цокнув по дну жестяного желоба. Жидкость внутри колыхнулась.

Сердце сжалось – неужели зря все мучения?

Снова цокнув, фужер качнулся в другую сторону и встал как влитой.

– Уф! – громко выдохнула я и крепко схватилась второй рукой за край кровли.

Под ногами отчетливо раздался звук передергиваемого затвора. На этот раз я не ошиблась.

Извечный вопрос. Кто быстрее – спортсмен или пуля?

Мне нужно лишь качнуться и забросить тело на крышу. Пара-тройка секунд.

Направленное на меня короткое дуло я чувствовала хребтом. Чтобы Чиву надавил на спусковой крючок, требуется полсекунды. Вот такая арифметика, да-а... Партия проиграна ввиду цейтнота.

– Не стреляйте! Не стреляйте! – закричала я, болтаясь под крышей особняка. Подол Светкиного платья расправился и вновь обтянул ноги. Ненавижу это платье!

– А ну слезай оттуда! Не то шкуру подпорчу! – пригрозил Чиву.

Ему легко говорить, размахивая автоматом. А как я теперь спущусь? Мне на стену не вернуться. Ни рукой не достать, ни пальцами ног не зацепиться. Да еще это платье. Все равно что запустить на стену инвалида без ноги.

Сделаю попытку закинуть тело на крышу – получу свинцовую очередь в спину. Или в то место, которое находится внизу спины.

Оценив варианты, я приготовилась к длительным переговорам. Настолько длительным, насколько хватит крепости пальцев.

– Видите ли, уважаемый! – закричала я в ответ. Не знаю, поймет ли румын. Плохо у него с французским. Чувствую по речи. – Я могла бы...

Как пальцы соскочили – сама не поняла. Наверное, пот проступил. Обычно на скале их постоянно окунаешь в мешочек с магнезией. Это такой белый порошок. Как у штангистов или гимнастов...

В следующий миг с отчаянным воплем я оторвалась от крыши.

Пролетела несколько метров, которые отделяли меня от окна. Шваркнулась плечом о кирпичи, словно к горячей печке прислонилась.

И рухнула на голову огорошенного Чиву.

Думаете – этим все закончилось? Как бы не так!

Я надеялась, что изуродую румына – сломаю ему несколько ребер, по дружбе устрою смещение позвонков... Если с высоты в несколько метров вам на голову падает симпатичная девушка, то не следует ожидать приятных ощущений, поскольку она все же обладает определенным весом. Все скорее всего закончится растяжкой в травматологическом отделении... Вот я и думала – изуродую Чиву, но зацеплюсь за него, повисну. Авось втащат в окно.

Но вместо этого мой преследователь вывалился из окна!

Я успела только произнести «Ах!», не ощутив останавливающего рывка. И, держа Чиву за воротник смокинга, утащила его за собой. В ту самую засасывающую пустоту.

Так и полетели втроем. Я, лысый румын и его пистолет-пулемет «Хеклер-Кох».

Темная непрозрачная вода приближалась стремительно.

Нас бросило на стену. Я прикрылась телом Чиву, и шваркнуло только его.

Раздался треск – это смокинг сразу сделался поношенным. Чиву успел что-то прокричать по-румынски. Я не поняла реплики. Во-первых, языка почти не знаю. А во-вторых, была занята собственным воплем. Наверное, румын выражал недовольствие по поводу костюма.

Нас слегка отбросило от стены. Мелькнуло длинное окно первого этажа. Чиву задел его каблуком и разнес вдребезги.

...В реку мы рухнули, сопровождаемые целым дождем осколков. Подняли столб брызг, словно начинающие прыгуны с трамплина.

Нам повезло: река здесь оказалась достаточно глубокой. Вода была чересчур холодной для начала лета. Вдохнуть я не успела, поэтому сразу нахлебалась. Пузыри окружили, обволокли – и видом, и на ощупь напоминая стаю мелких медуз. Платье опутало ноги и тянуло на дно. Благо я еще оттолкнула от себя бегемота в смокинге.

Долгое падение способствовало глубокому погружению. Я мощно гребла руками, выбираясь к поверхности. Навстречу плавно опустился автомат «Хеклер-Кох».

Еще рывок...

Я вынырнула, хрипло откашливая воду. Рядом булькал поднимающийся с глубины воздух. Наверное, это Чиву – чтоб он захлебнулся! Подозреваю, жив курилка! Отъявленные мерзавцы так просто не погибают.

Широкий мост нависал над головой огромным мрачным казематом. Здесь, под аркой, было на удивление тихо – где-то даже успокаивающе тихо... Чем не место для лечения нервов и снятия стресса? Сумрак, тишина, легкий плеск воды. Лишь прямо надо мной раздавались какие-то скрипы, шорохи. Скорее всего, из окна, откуда мы вывалились. Фальшивые лакеи пытались разобраться, что к чему.

Не дожидаясь, пока Чиву появится на поверхности, чтобы объяснить мне жестами свою искаженную концепцию мировосприятия, я поплыла к ближайшей опоре моста. Платье определенно переняло противный Светкин характер и опутало ноги, превратив меня в этакую Русалочку. Пришлось работать «хвостом».

Когда до опоры оставалось метра два, позади раздался шумный всплеск, а следом – сиплый надрывный кашель. Я не стала оглядываться, проворнее замахав руками.

Едва коснулась покрытых водорослями камней опоры, как сверху протрещала автоматная очередь. Рядом на поверхности воды вспенилась рваная строка. Я шарахнулась под мост.

Куда деваться? Подниматься наверх? Там меня ждут. Плыть к берегу – далеко. Остаться здесь – тоже ничего хорошего. Ко мне со страшным лицом уже гребет Чиву.

– Эй, где вода? – прокричал он, тяжело дыша. Кажется, перепугался. Небось подумал, что я пролила жидкость Энкеля в речку. Интересно, а что бы случилось?

– Во-первых, меня зовут не «эй», а Алена. А во-вторых – тут кругом вода! – ответила я. И поплыла на другую сторону моста.

Пыхтя и отплеываясь, добралась до тыльной стороны особняка. Чиву отстал. Явно плавать не умеет, я его даже со связанными ногами обогнала.

Задрала голову, разглядывая стену. По опоре могу вскарабкаться до первого этажа. Мне нужно найти Анри. Только он может навести порядок в своем доме.

Нащупывая первые зацепы и радуясь их удобству, я вспомнила о фужере с таинственной жидкостью, который остался в водостоке на краю крыши.

Глава 3

Гравюра и пируэт

Чиву доплыл до основания опоры, когда я уже вскарабкалась на ее середину. Он что-то прокричал, но я не обратила внимания: этот румын казался выведенным из игры.

Окно на первом этаже было не заперто. Приоткрыв створку, я перелезла через подоконник в комнату. На меня, разинув рты, уставились две пожилые и совершенно одинаковые дамы. Близняшки, скорее всего. Я застала их в тот момент, когда они примеряли драгоценности. Одна – бриллиантовые сережки, другая – колье.

Неловкая пауза.

– Здравствуйте! – вежливо произнесла я наконец. – Не обращайтесь на меня внимания. Считайте, что я такой же неодушевленный предмет, как этот шкаф...

Дамы-близняшки завизжали, едва не обрушив потолок девятнадцатого века. Хрустальная люстра отозвалась приятным гудением. Из солидарности завизжала и я. Платье, снова расправившись, изрыгнуло на персидский ковер литра два воды.

Я понимаю этих дам! Хоть и говорю – не обращайтесь внимания, – но как не обратиться? Находитесь вы с кем-то в комнате, занимаетесь чем-то заветным, можно даже сказать – интимным... Вдруг распаивается окно и в него влезает мокрое пугало – волосы растрепаны, платье лопнуло на бедре, тушь давно исчертила щеки черными полосами! Тут не закричишь!

Отдав долг коллективной панике, я выглянула в окно. Чиву пытался карабкаться по опоре моста. Вот дурень! Неужели решил, что если какая-то кукла залезла, то и он, маньяк в авторитете и виртуоз ножа, тоже сможет?

Схватила горшок с тянувшимся из него по стене вьюнком и запустила в румына. Горшок разбился об опору чуть выше головы Чиву, обдав румына осколками и сбросив обратно в воду. Я радостно засмеялась, захлопала в ладоши. Много ли человеку нужно для счастья?

В этот светлый момент в комнату ввалился рослый детина в пиджаке. Из его правого уха тянулся тоненький, телесного цвета проводок.

Он уставился на меня.

– Что здесь случилось?

Господи! Наконец ты ниспослал мне охранника! Как долго пришлось его искать!

Я сидела в глубоком кожаном кресле и вытирала волосы махровым полотенцем. На мне по-прежнему красовалось сырое Светкино платье, но плечи укутал мужской пиджак. Анри не нашел в своем огромном особняке ничего подходящего для дамы. «Единственное, что могу предложить, – произнес он подозрительно серьезно, – это сарафан галльской крестьянки с экспозиции».

Мы устроились в кабинете этнографа. Наверное, самом тихом месте в особняке. Ни одного окна; все стены заставлены стеллажами с книгами; в центре – массивный стол, на котором в беспорядке навалены бумаги, папки. Веруня с растерянным видом устроилась за столом. Рядом с ней стояла початая бутылка шампанского, из которой моя подружка периодически наливала себе в высокий фужер, успокаивая нервы. Иногда она виновато поглядывала на меня, хотя я на нее не обижалась. У меня просто натура такая. Неприятности ко мне прилипают, как мухи на клейкую ленту.

Кучерявый Анри Жаке нервно бродил по кабинету, что-то бормоча и беспокойно потирая щеки, словно проверяя – успел ли сегодня побриться.

Наше безмолвие нарушила открывшаяся дверь. На пороге возник невысокий коренастый человек с внимательными глазами. Сквозь редкие волосы просвечивали залысины. Пиджак

был расстегнут, под мышкой виднелась вороненая рукоять. С начальником охраны Жаке я уже познакомилась.

– Полиция прибудет не раньше чем через полчаса, – сообщил он. – Мы продолжаем прочесывать здание, но вынужден сказать... Он посмотрел на меня. – Мы никого не нашли.

– Ну как же! – Я вскочила с кресла, сжимая полотенце. Пиджак свалился к ногам. – Их не меньше пяти человек! Убийца доктора Энкеля – совершенно лысый. Он сейчас такой же промокший, как и я. Еще не меньше трех одеты в форму лакеев. Только лица у них не лакейские!..

Я не сказала еще об одном – человеке в черной шляпе и черных очках. Но что это за приметы! Под такой личиной может скрываться кто угодно. Снял шляпу, сунул очки в карман – вот и нет примет!

– Мы проверили гостей, заканчиваем разбираться с прислужгой. Все присутствующие в зале зафиксированы в пригласительном списке. Среди слуг тоже посторонних нет... Лысых проверили в первую очередь.

– Как они могли попасть в дом? – произнес Жаке, выйдя из задумчивости. – Парадный вход охранялся! Остальные двери были заперты!

– Мы сейчас проверяем все залы, комнаты, чердаки, кладовые. Если преступники еще в здании, мы их отыщем.

Мне бы его уверенность. Я опустила в кресло.

Что-то устала за сегодняшний вечер... Вспомнились Верочкины слова, когда она уговаривала меня лететь сюда: «Отдохнешь, повеселишься...» Вот и повеселилась. Скоро полиция приедет. Следователи примутся за бесконечные допросы. И стоило за этим удовольствием отправляться во Францию! Покидать бывшую свекровь, которая меня могла отыскать даже на дне морском, чтобы грозно осведомиться, почему у ее сына Лешеньки синяк под глазом. Будто я ведаю! Мы теперь с Овчинниковым идем по жизни разными дорожками...

Во время очередного рейда через кабинет Жаке остановился рядом со мной, нервно потирая руки.

– Вам что-нибудь нужно? – волнуясь, спросил он.

– Ужасно хочу домой, – устало ответила я. – В Москву. Больше ничего.

– Полиция наверняка захочет поговорить с мадемуазель Овчинниковой, – осторожно напомнил начальник охраны. – Она единственный свидетель.

– Ничего страшного, – заверил Жаке, теребя подбородок. Он явно не знал, куда деть руки. – Полиция снимет показания, возьмет адрес, и я уверен, что уже утренним рейсом вы сможете отправиться в Москву.

– Было бы здорово, – кивнула я. Начальник охраны ушел, оставив после себя сладковатый запах сигары.

Мы некоторое время молчали, затем голос подала Верочка:

– Алена, мне...

– Не надо, Вера, – оборвала я ее. Знаю наперед, что она скажет. У нее все на лице написано. – Никто не виноват.

– Поверить не могу, что это произошло в моем доме! – произнес Жаке. – Ведь для приема я специально нанял охранную фирму! Как такое могло произойти?

– Вы знали доктора Энкеля? – спросила я.

– Мы дружим лет десять. Клаус – милейший человек. Умный, образованный!.. Не представляю, зачем кому-то потребовалось...

Он замолчал.

– Я успела познакомиться с ним. Он просил меня перевести одно загадочное слово. Даже не знал, к какому языку оно относится. Чем он занимался?

– Он – самый настоящий доктор медицины. Очень хороший специалист в области биохимии и травматологии. У него своя клиника в Швейцарии.

– А хобби у него какое-нибудь было?

– Его хобби – наука. Он отдался ей беззаветно и всецело. У него даже семьи нет. Энкель по четырнадцать-пятнадцать часов пропадает в клинике... – Жак замолчал, а затем поправил себя: – Пропадал. В клинике...

Этнограф думал, и мне показалось, что он готов сказать что-то еще. Я оказалась права.

– Знаете, Алена. Не могу судить о хобби доктора Энкеля. Но однажды на день рождения он подарил мне древнюю гравюру, сопроводив ее странной легендой...

Я утопала в кресле. Жаке возвышался надо мной, лицо его обрело задумчивое, отрешенное выражение. Он стеснительно потирал руки, словно они мерзли.

– Легендой? – выдавила я. Отчего-то пересохло в горле.

– Возможно, это сказка, возможно, легенда.

Жаке перестал потирать руки и посмотрел на меня сверху вниз. Отчего-то вдруг сделалось неуютно. Что-то не понравилось мне в его взгляде.

– В одном из городов средневековой Европы, – произнес этнограф, – жил человек по фамилии Ганеш. Он был умен, образован, знал языки, был сведущ в разных науках, но предпочтение отдавал алхимии. Он много времени проводил за текстами древних манускриптов и ставил по их описаниям бесчисленные опыты... Однажды по доносу злоязыких соседей Ганеша схватили и привели к главному инквизитору города – лютому Иоганну Мейфарту. Во время страшного допроса инквизитор обвинил Ганеша в ереси и колдовстве. Обвинения были столь серьезны, что алхимику грозила не плеть и даже не *murus strictissimus* – каторжная тюрьма, а очищающий костер. Ганеш смертельно испугался и сообщил Мейфарту, что знает, как выделить *мертвую воду*.

– Мертвую воду? – переспросила я.

– Да. Магическое вещество с могущественными свойствами. Его называли еще «черным львом»... Так вот, инквизитор, алчность которого была больше, чем его вера в Бога, загорелся желанием обладать «мертвой водой». Он отпустил Ганеша и даже дал ему денег. Однако, чтобы алхимик не обманул или не сбежал, инквизитор-францисканец посадил в тюрьму четырнадцатилетнего сына Ганеша.

Опасаясь за жизнь единственного сына, в течение года алхимик не спал ночей и положил здоровье, стараясь выделить «мертвую воду». Но случилось страшное. Сын Ганеша попытался бежать из тюрьмы, и один из охранников снес ему голову. Тело и голову юноши выставили на площади в назидание еретикам и сочувствующим. Узнав об этом, ослепленный горем отец пробрался ночью на площадь и выкрал останки сына, чтобы оплакивать его три дня и три ночи. Инквизитор рассвирепел, повелел схватить Ганеша и...

Жаке обернулся к стене. Проследив за его взглядом, я увидела старинную гравюру в золоченой рамке. Подарок доктора Энкеля.

На гравюре изображался помост с двумя столбами и привязанными к ним людьми. Ноги несчастных утопали в вязанках дров и хвороста, от которых поднимался огонь; чернильные жгуты пламени обвивали страдальцев. Один человек что-то кричал, обращаясь к высокому худому священнику в черной сутане. Второй стоял покорно, закрыв глаза.

– В обычной процедуре аутодафе перед тем, как предать еретиков огню, их сначала душили удавкой на палке, – холодно произнес Жаке. – Это делалось для того, чтобы крамольные речи не оскверняли слух горожан, собравшихся на казнь... Но Мейфарт хотел видеть страдания Ганеша. Поэтому алхимика оставили в сознании. И еще. Видите, пламя какое-то скудное? Инквизитор приказал использовать сырые дрова, чтобы смерть была долгой и мучительной.

Я проглотила сухой комок, застрявший в горле.

– Инквизитор предал Ганеша костру на исходе третьего дня. Алхимик смеялся из огня, и над площадью, над толпой летели его слова: «Глупый францисканец вместо силы двух львов получит пепел укротителя!»

Верочка за столом уронила слезу. Я сидела в кресле, не в состоянии отвести взгляд от древней гравюры. Жуткая история околдовала меня. Только...

– Не поняла, – нарушила я тишину. – А за что инквизитор сжег алхимика? Почему Ганеш вызвал в нем такую неистовую ярость?

Жаке пожал плечами. Повернулся ко мне и закрыл гравюру спиной.

– Вероятно, после смерти сына Ганеш отказался искать для Мейфарта «мертвую воду».

– Тогда при чем тут три дня?

– Наверное, это связано с христианским представлением о вознесении души на третий день после смерти.

– В легенде сказано – три дня и три ночи. Вы не ошиблись в пересказе?

– Исключено, – ответил Жаке.

– Если тело сына выставили днем, а Ганеш выкрал его ночью... Прибавим к этому времени еще три ночи – получится уже четверо суток. Никак не вяжется с христианским обрядом... А если, допустим, юноша был умерщвлен днем ранее, прежде чем его тело выставили на обозрение? Тогда и вовсе пять суток!.. Что-то не сходится.

– Это легенда. В ней допустимы нестыковки.

Если я завелась, меня трудно остановить.

– А кто второй несчастный? С закрытыми глазами?

– Не знаю, – ответил Жаке. – Инквизиция казнила многих.

Почему-то я не поверила его объяснению. Вроде логично, но какой-то червь сомнения скребся в груди.

– Кстати, – вдруг произнес Жаке. – Это загадочное слово, о котором вы упоминали... о котором вас спрашивал Энкель... Возможно, оно как-то связано с Новой Зеландией.

– С Новой Зеландией? – удивилась я. Верочка за столом поперхнулась шампанским.

По-моему, ей пора было прекратить себя «успокаивать». Ведь утром – самолет?

– Да, – кивнул Анри. – Энкель пару лет пропал в Новой Зеландии. Совершенно не представляю, чем он там занимался. Затем вернулся в свою клинику.

Я размышляла: стоит ли говорить этнографу о странной жидкости, которую всучил мне доктор? Судя по всему, маньяк Чиву и остальные члены шайки охотились именно за ней. Зачем милейший старикан притащил ее на прием?

Кстати...

А вдруг эта темноватая жидкость и есть «мертвая вода»?

По спине заструился нехороший холодок.

Бред, Алена! Взрослая девочка, а в голове одни глупости... Может быть и так... Но фужер с той водой до сих пор находится на крыше!

Я взволнованно поднялась с кресла, чтобы рассказать обо всем Жаке. Не хотелось больше никаких проблем. Скоро полечу домой, в Москву. Местным полицейским предстоит расследовать убийство Энкеля. Информация о странной жидкости им пригодится. Пускай они голову ломают о ее назначении – это их работа.

Едва я успела открыть рот, как дверь распахнулась и в кабинет ворвался начальник охраны. Игнорируя наши вопрошающие взгляды, быстрым шагом он приблизился к Жаке и стал что-то шептать ему на ухо. Я различила только слова «метан» и «Северное крыло». Лицо Анри побледнело, глаза нервно забегали. Кажется, гонец принес нерадостную весть.

– Проклятье, – произнес этнограф. – Немедленно эвакуируйте людей из здания. Северное крыло сейчас пусто, но я не хочу, чтобы еще кто-то из гостей пострадал.

– Что случилось? – произнесла Верочка зашпанным голосом.

Этнограф вымученно улыбнулся.

– Ничего страшного, – ответил он. – В Северном крыле ощущается запах газа. Где-то образовалась утечка.

Ну, конечно, ничего страшного! Совершенно ничего! Хоть детей приводи на экскурсию!

Если эвакуируют людей, значит, достаточно искры – и Северное крыло фамильного особняка останется только в воспоминаниях.

Иллюстрируя этот вариант, Верочка грохнула свой фужер с шампанским на пол. Словно мои мысли прочитала. Ничего удивительного. Мы с ней давние подруги. Близкие – почти как сестры. А мысли близких людей часто очень схожи.

Брызнувшие по ногам осколки встряхнули мужчин.

– Нужно перекрыть задвижку на линии, которая питает здание, – сказал начальник охраны. – Вы можете показать, где она находится?

– Не уверен, что знаю наверняка, но попытаюсь. Кажется, где-то на улице...

Анри обернулся к нам с Верой:

– Пожалуйста, покиньте дом через Южное крыло.

– Южное... это на юге? – неуверенно спросила Верочка.

– Это крыло, где проходил прием. Дверь, в которую вы вошли. Найдите лимузин, доставивший вас, и ждите в нем.

Правильно. Так будет лучше всего. К тому же в лимузине осталась моя одежда. Хоть переоденусь в сухое. Сниму, наконец, это Светкино платье. Сил больше нет носить его.

– А как мы отыщем тот самый лимузин? – спросила я.

– Помните шофера? Его найдите.

Помню ли я шофера? Сомневаюсь, что смогу узнать нашего африканца среди других таких же...

Мои мысли оборвались и полетели куда-то в пропасть. Я вдруг увидела, как Жаке протянул руку к одной из полок и взял с нее...

ЧЕРНУЮ ШЛЯПУ!

Окружающие краски сразу поблекли. Комната и стеллажи с книгами закружились. Будто кресло, в котором я сидела, и не кресло вовсе, а сани американских горок.

– Оставайтесь в лимузине, – произнес Анри, надевая шляпу. Его голос сделался для меня вдруг невероятно громким и отчетливым. Я вслушивалась в каждое слово, в каждый звук, произносимый Жаке. – Я вас найду, – закончил этнограф.

Он нас найдет!

От ужаса я не могла пошевелиться. Элементы мозаики последних событий сложились в зловещую картину.

Анри и начальник охраны спешно вышли из кабинета. Я ошеломленно проводила взглядом черную шляпу на голове француза.

Неужели примерный этнограф Анри Жаке и есть тот человек, который инструктировал лысого убийцу Чиву?!

Невозможно поверить!

Но все сходится. Анри Жаке отлучался из зала как раз в тот момент, когда я, заляпанная икрой, наткнулась на подозрительную парочку в коридоре. Представилось, как он говорит Чиву: «Я подниму занавес экспозиции, все будут хлопать, и ты прирежешь спокойно моего старого друга!»

Меня с самого начала удивляла наглость, с которой преступники орудовали в чужом доме. Теперь все встало на свои места. Ведь они действовали по указаниям хозяина дворца! Неудивительно, что служба безопасности никого не поймала. Как можно поймать самих себя?!

Я вспомнила усмешки и странные взгляды этнографа. Сопоставила с тем, как смотрел на меня человек в шляпе... Не знаю, чем доктор Энкель насолил Анри Жаке. Возможно, причина кроется в странной жидкости, которая осталась на крыше?

– Алена, – подала голос Верочка. Похоже, она действительно переусердствовала с шампанским, потому что говорила заплетающимся языком. – Я не понимаю, что происходит?

Я принялась рыскать по кабинету. Распахивать дверцы шкафов, выдергивать ящики стола.

– Мы в серьезной опасности, Веруня! Твой дружок-лягушатник организовал весь этот переполох.

– Кто? – удивилась Шаброва. – Жаке?

– Нет, конь во фраке!

Вера пьяно рассмеялась.

– Ну ты и выдумщица! Он же ученый, Алена. Зачем ему это?

Я прервала на мгновение поиски и повернулась к ней:

– Знаешь, каких ученых я встречала? Был у меня такой знакомый – профессор Йоркского университета Майкл Гродин. Археолог. Вроде бы милейший старикан... Пытаюсь найти древний тайник, проданся всем, кому только можно было, и руки перепачкал в крови по самые уши!.. Разные ученые бывают, Верочка.

Вера нахмурилась, пытаясь переварить информацию. А я, наконец, нашла то, что упорно искала. Квадратный хрустальный графин с каплеобразной пробкой. Пойдет!

Воду из графина вылила прямо на ковер – нечего церемониться с имуществом этого мерзавца.

Не знаю, что они там задумали с начальником охраны. Зачем устроили этот переполох с утечкой газа. В любом случае, нам с Верой необходимо выбраться из особняка и забрать вещи из лимузина. Там же моя сумочка, деньги, документы. Эх, предчувствую, что покинуть Францию, станет в копеечку. Новая страховочная беседка катастрофически отдалается.

– Ведь не хотела ехать во Францию! – пробурчала я.

Двигаться по коридорам особняка, волоча за собой Верочку, было тяжело. От шампанского, которым она пыталась залить стресс, ее качало, шатало и заносило на поворотах. Во время редких остановок подруга заводила свое осточертевшее «и все-таки я не понимаю!». Я молча упрямо тащила ее за руку, как непослушного ребенка, а она прижимала к груди полбутылки шампанского.

– Вера, неужели тебе не стыдно? – не выдержала я. – Брось бутылку.

– С ума сошла? – ответила она, уставившись на меня сквозь толстые линзы. – Это же *настоящее французское шампанское!* Не наш лимонад.

В знакомой галерее, где находилось панорамное окно с видом на реку, путь преградил охранник. Он жестом остановил нас.

Едва я успела открыть рот, чтобы произнести какую-нибудь вразумительную ложь, как Вера пьяно заявила:

– Хоть вы ей скажите!

Охранник хмуро посмотрел на меня.

– Куда вы направляетесь?

– Мы? – пискнула я. Голос предательски сорвался. Я кашлянула, а затем повторила: – Мы? Эвакуируемся. Нам Анри Жаке велел найти наш лимузин.

– Вам следует покинуть здание через Южное крыло, – произнес он.

– Мы туда и идем, – улыбнулась я как можно обворожительнее, пряча за спиной квадратный графин.

Мой шарм не имел успеха.

– Вы направляетесь в Северное крыло! Туда нельзя. Там авария. Возвращайтесь обратно.

– Я же говорила тебе, что это Северное крыло! – набросилась я на уже открывавшую рот Верочку. – А ты – Южное, Южное!.. Вечно из-за тебя плутаем!

– Да? – удивленно спросила Верочка и почему-то посмотрела в горлышко своей бутылки.

– Извините, вы не подскажите, где здесь выход на крышу? – спросила я.

– Что-о? – окрысился охранник. Пришлось вернуться назад и пройти в Северное крыло по другой галерее, обойдя охранника.

Деревянные ступени, ведущие на крышу, обнаружили в конце длинного тупикового коридора. Проход был узким, плохо освещенным, с низким потолком. Мы долго поднимались по ступеням, под конец оказавшись перед запертой дверью.

– Замок, – разочарованно констатировала я, ковыряя пальцем в скважине, словно надеясь отпереть запор ногтем.

– Что мы здесь делаем? – произнесла Вера таким драматичным тоном, будто в этот тупик ее загнала сама жизнь.

Я вытянула шпильку из метелки на ее голове. Вера уставилась на меня и произнесла нетленное:

– Кто ты такая?

Ее бы сейчас на сцену, к зрителям. Прочсть какой-нибудь патетический монолог из Горького.

Не обращая на Веру внимания, просунула шпильку в замочную скважину. Интересно, как это делают в фильмах? Крутят, вертят, потом – щелк!.. Нужно на досуге разобрать какой-нибудь замок. Всякие случаи бывают. Всегда полезно умение вскрыть заколкой пару-тройку запертых дверей. Вот, например, как сейчас...

Легкое похлопывание по плечу едва не вогнало меня в гроб. Я подумала, что это Жаке невеста откуда появился, приведя ко мне озлобленного Чиву.

Повернула голову и наткнулась на две толстые линзы Вериных очков.

– Алена, слушай, как ты думаешь... Кто я такая?

– В масштабах мировой революции или отдельно взятого Чукотского автономного округа?

Вера непонимающе уставилась на меня.

– Веруня, отдохни пару минут. Не строй из себя Лао Цзы! Отключи сознание... И отдай мне наконец это! – Я выдернула у нее из руки бутылку и бросила вниз. Бутылка запрыгала по лестнице, выплевывая пену на стены и ступеньки.

Вера проводила шампанское задумчивым взглядом. Я была уверена, что она сейчас спросит что-то вроде: «Что такое эта бутылка?», но Вера благоразумно промолчала. Вдруг шпыняемая мною шпилька проскочила вглубь замочной скважины.

Из недр замка раздался щелчок.

Во дела! Новичкам везет!

Я распахнула дверь, и мы выскочили на крышу, на свежий воздух. Серебристого диска луны на небе уже не было, тучи успели закрыть его. Над нами раскинулось покрывало темной ночи.

Дверь выводила на просторный балкон, устроенный посередине крыши. Похож на обзорную площадку. Я встала возле перил и глянула вниз.

Скат крыши оказался приличным – градусов сорок. Если спущусь на край, к водостоку – туда, где находится фужер с водой, – то обратно могу не взобраться. Скользящая кровля. Есть, конечно, вариант снова прыгнуть в реку, но что-то не хочется.

Оставив Веруню слушать стрекотание цикад – «чудных кузнечиков», как она выразилась, – я спустилась обратно в коридор, отыскала пожарный шланг и вернулась с ним. К моей радости, Верочка начала трезветь. Все-таки шампанское не водка – долго не держится в организме. А тут еще ветерок, свежий воздух...

– Алена, – сказала Вера, подозрительно косясь на пожарный шланг, – я, конечно, не вправе судить, потому что никогда не бывала за границей... Ты уверена, что все делаешь правильно?

– Правильно все делает только Бог, – ответила я, привязывая шланг к перилам балкона, – а люди для того и созданы, чтобы ошибаться, грешить, потом замаливать свои грехи.

– Что, в самом деле?

Верочка всем хороша, но иногда у нее отрубается чувство юмора. Словно какие-то ворота закрываются, образуя мощный заслон. Полагаю, кто-то из ее родителей был чересчур серьезным.

Я с сожалением посмотрела на Веру, а потом бросила скрученный шланг вниз. Расправляясь, он загремел по кровле и быстро исчез в темноте. К горлышку квадратной бутылки я привязала шнурок, который вытасила из портьеры. На другом конце сделала большую петлю и накинула «сбрую» через голову на плечо. Затем закатала платье (в который раз за сегодняшний вечер), перелезла через перила и взялась за рукав шланга.

– Постой, постой, Алена! – кинулась ко мне Верочка. – А мне что делать?

– Жди здесь. Я недолго.

– Поклянись, что недолго. Боязно оставаться одной.

– Чтоб я латынь забыла!

Проворно перебирая руками, я стала быстро спускаться вниз. Вера, в своих толстых линзах чем-то напоминающая стрекозу, растворилась в темноте.

Спуск проходил легко и приятно. Все проблемы вдруг улетучились куда-то. Казалось, что убийство, стрельба, погони, дурацкий фужер с темноватой жидкостью на краю крыши – ничего этого не было и нет. А есть только плавное скольжение вниз, совершаемое ради собственного удовольствия, да ветер, терзающий волосы. Да, давненько я в горы не выбиралась. Руки соскучились по веревке. Перебирая шланг, я ощущала неземное блаженство, нагружая кисти и предплечья.

Расслабившись, едва не пропустила срез крыши. Обнаружила, что спуск завершен, когда левой пяткой провалилась в пустоту. Квадратный графин хлопнул меня по бедру. Тому самому, на котором разошелся шов платья.

Встала на краю, отцепилась от пожарного рукава. Полотно реки внизу по-прежнему выглядело темным и страшным. Неужели я рухнула в воду с такой высоты? Поверить не могу... Ладно. Бог с ним!

Фужер должен находиться в желобе водостока. Где-то левее, мне кажется. На крыше Северного крыла.

Я осторожно двинулась в том направлении. Позади, с южной стороны особняка, где располагался парадный вход, доносился шум автомобилей и гомон великосветской толпы. Небось возмущаются дамы и местье, что прием закончился скандально. Досадуют, что не успели доесть черную икру и допить шампанское... Кстати, до сих пор не слышу воя сирен. Еще одно доказательство моих подозрений. Начальник охраны не звонил в полицию, не вызывал жандармов. Зачем их вызывать! Вдруг отыщут ненароком настоящего убийцу!

Северное крыло словно умерло. Ни звуков, ни ожидавшегося запаха метана. Именно по коридорам Северного крыла я бегала от Чиву и его сообщников в лакейских ливреях.

Фужер заметила еще издали. Хрупкий контур его обозначился на самом краю крыши. Просто удивительно, как он не упал.

Села на водосток, свесив ноги в пустоту. Взяла фужер и принялась разглядывать жидкость. Ничего не видно. А что, Алена, ты собиралась увидеть? Химическую формулу? Так вряд ли ты в ней разберешься.

Ветер подул в лицо, и ноздри уловили легкий запах, похожий на запах сырого металла.

Что же это за жидкость такая? Неужели...

Нет. Не может быть.

Я сняла с графина пробку-капельку, ухватила его за горлышко, словно намереваясь задушить, и стала очень аккуратно переливать в него содержимое бокала. Жидкость монотонно зажурчала.

С трудом разбираю, где горлышко графина, правильно ли падает струя... Вот, кажется, все и перелила. Журчание прекратилось. Фужер наклонила так, чтобы последние капли из него тоже скатились. Отставила опустевшую емкость в сторону и вдруг почувствовала, как указательный палец левой руки, которая держала графин, что-то кольнуло. Я вздрогнула, по телу пробежал озноб. Убирая фужер, все же уронила каплю таинственной жидкости на себя!

– Черт!

Сейчас с меня сползет кожа, и мясо начнет отваливаться от костей. Потом слезет скальп, далее выпавшие зубы заполнят рот, слово камешки для исправления дикции.

Какая же я дура! Хоть бы перчатки надела!.. Только где их взять на крыше?

Я торопливо отерла палец о лист кровли и поднесла близко к глазам, пытаюсь рассмотреть начинающиеся необратимые мутации. О, наверное, сначала скрючится, потом рука превратится в одубевшую корягу, следом искривится плечо, позвоночник...

Палец не мутировал. Насколько позволяла разглядеть темнота – оставался таким, каким был прежде.

Я сидела на крыше, ожидая старуху с косой, как вдруг на открытое плечо упала капля. Затем еще одна на коленку...

– Тьфу ты! – воскликнула я с досадой и задрала голову.

Ночное небо затянуто тучами! А я тут невесть чего навоображала!

От злости запустила фужер в речку. После короткой паузы снизу раздался негромкий всплеск. Я смахнула ладонью капли пота с висков, встала и крепко засадила пробку в горлышко графина. Для надежности обмотала ее веревкой.

Все. Жидкость доктора Энкеля снова у меня. Теперь наша с Верой главная задача – отыскать лимузин, забрать вещи и убраться восвояси. Подальше от крыш, темной реки, коридоров-лабиринтов, залов с чучелами галльских крестьян. Подальше от преступников, главарь которых разыгрывает из себя ученого.

По краю крыши вернулась назад и наткнулась на темную подозрительную фигуру впереди. Вот беда! Гости пожаловали. Не было печали.

Однако, подойдя ближе, узнала нескладные пропорции моей Веруни. К тому же матросские полоски на платье выделялись в темноте.

– Шаброва! Ты, что ли?

– Господи, Алена! – захныкала Верочка. – Я вся изнервничалась!

Кажется, алкоголь из нее выветрился. Период пьяного философского просветления сменился слезливым трезвением.

– Ты зачем сюда спустилась? Я велела ждать наверху!

– Мне хотелось, как ты... Вот так, держась за веревку...

– За шланг, – автоматически поправила я.

– ...спуститься вниз, презирая все опасности... Спуститься у меня получилось, а подняться обратно – нет, – виновато закончила она.

Я устало вздохнула. Дернул ее черт... Вера – самый настоящий книжный червь (или, если хотите, червиха). Она не любит спорт и боится его.

В школе, подозреваю, имела вечное освобождение от физкультуры. Какой леший понес ее на темную скользкую крышу? Хотя ясно – какой. Розовый, игристый, полусладкий.

– Значит, так, Вера, – произнесла я. Чтобы не терять времени, стала вытягивать свисающий с крыши конец шланга. – Я поднимусь на балкон первой. Потом...

Вот, кстати, и конец с металлическим соединителем. Я обернула талию Веры рукавом и завязала его на животе.

– Потом, – продолжила я, – буду забирать шланг на себя, подтягивая твою тушу наверх. Тебе нужно только перебираться ногами по крыше. Туфли лучше сними.

Вера послушно стащила туфли и держала их в руках, словно исполняя какой-то языческий ритуал. Заправив за уши непослушные волосы (надо бы постричься!), я ухватилась за шланг и стала подниматься. Квадратный графин снова стучал по бедру, темная вода плескалась на самом его дне. Из темноты послышался жалобный голос Веры:

– Только не забудь меня здесь!

– Не волнуйся! Не брошу россиянку на поганой французской крыше! Тем более – лучшую подругу. Как я могу бросить ее! Чистого, светлого, беззаветного человека!

Года три назад мой бывший – Леха Овчинников – имел такие неприятности, что понадобилась куча денег, дабы сохранить в целостности данную ему природой смазливую внешность. В каком-то ночном клубе потанцевал с девушкой одного из «единцовских».

По морде первым делом я ему накостыляла. Но что с ним и с нашей квартирой могла сотворить бригада «единцовских» бойцов – один ГУБОП знает. Короче, пришлось откупаться. Пять тысяч американских «гринов».

Я наскребла три, Леха – жалкие пять сотен. Немного дали мои бабушка с дедушкой. Оставалось около тысячи... И тогда Веруня, которая одна воспитывает сына и которая в течение восьми лет откладывала по десять долларов в месяц, без лишних слов сняла со счета единственную тысячу и отдала мне. Ну и как после этого я могу бросить ее!

На площадку балкона взобралась быстро. Осторожно выглянула через приоткрытую дверь на лестницу. Никого. Вот и чудненько!

Подергала за шланг. В ответ ощутила два таких же рывка. Веруня готова, very well.

Стала подтягивать. Тяжело. Может, потому что пользуюсь пожарным рукавом? Я таким способом еще никого не транспортировала – в альпинизме для подъема и спуска применяется статическая веревка.

Половина шланга уже лежала у моих ног, словно сброшенная кожа анаконды. На воображаемом плане я уже намечала путь к выходу из особняка, когда за спиной послышался какой-то звук.

Продолжая забирать на себя рукав, оглянулась на приоткрытую дверь. Всю лестницу не видно, но вроде она пуста. Да, пуста. Никого... Надо закругляться. А то ведь галлюцинации замучают.

Я повернулась к скату крыши и обомлела.

Вот это галлюцинация! Целая шизофрения!

На конце пожарного рукава вместо Веры оказался мой старый, но далеко не добрый знакомый.

Чиву!

Его лысая голова выплыла из темноты, лицо – красное от натуги. Рот мерзко улыбался, обнажая редкие зубы.

Да нет, все это мне лишь снится! В жизни не существует особняков посреди реки, неприлично богатых ученых, загадочных темных жидкостей... Не бывает превращений очкастой переводчицы в маньяка... И вообще, вся поездка во Францию – бредовое забытье! Я сплю у себя дома на двух подушках, древний будильник на тумбочке скорее лязгает, чем тикает. Я вижу сон... А руки продолжают работать, хватая и вытягивая шланг, хватая и вытягивая... Я продолжаю тащить Веру, но почему она похожа на маньяка-убийцу?!

Помотала головой. Чиву не исчез. Более того – сделался ближе. По его лицу градом катился пот, но он не переставал улыбаться. Тут я и очнулась.

Выпустила шланг, надеясь, что сила тяжести унесет румына вниз. Не тут-то было: оказалось, что я вытянула его полностью. Белыми мертвецкими руками маньяк ухватился за перила.

Пока я без успеха ждала, когда он улетит вниз по скользкой крыше, Чиву перепрыгнул через прутья ограды и оказался возле меня. Рывок руки – и в ладони убийцы появилось хорошо знакомое загнутое лезвие.

– Как настроение? – поинтересовался он, продолжая мерзко улыбаться. – Голова не болит? Суставы не ломит? В животе не колет?

– Нет, – обескураженно ответила я.

– Сейчас будет колоть! – воскликнул он, замахиваясь.

Выбора у меня не было. Знала, что рискую, хотя понятия не имела – чем.

Горлышко хрустального графина удобно легло в ладонь, а его квадратные грани как нельзя кстати прошлись по лысому черепу румына. Я жутко боялась, что хрусталь разобьется и опасная жидкость выплеснется на него... на меня...

Но графин выдержал удар. Лишь отозвался глухим звоном. Вроде бы и голова Чиву выдержала. Все же он рухнул поваленным деревом.

Держа графин дрожащими руками, я оглядела его со всех сторон, отыскивая трещины. Ни одной не обнаружила. Хороший графин.

Посмотрела на Чиву – жив он или мертв? Прижался щекой к полу, словно вслушивается в бетон, глаза закатились, челюсть скошена... Мне сделалось холодно. Однажды я уже грохнула человека. Правда, не графином, а альпинистским молотком. В состоянии аффекта – после того как он застрелил моего мужа и наставил пистолет на меня, собираясь убить. В принципе, мои действия можно считать самообороной. Но все равно, не хочу вспоминать ту историю. Каким бы мерзавцем ни был Джон Бейкер, лучше бы он остался жив. Творил бы свои пакости где-нибудь вдалеке от меня, и я не чувствовала бы постоянную гнетущую вину.

Где Верочка? Что мерзавец Чиву с ней сделал? Неужели пырнул ножом, сукин сын?

– Вера-а! – шепотом позвала я в темноту. Легкий грохот проминаемой кровли.

– Ох, Алена! – страдальчески отозвалась Вера. Голос был далеким. Я силилась разглядеть в темноте край крыши и фигуру Верочки, но ничего не видела. – Он меня ударил чем-то по голове.

– Это хорошо, – сказала я, глядя на нож Чиву, который валялся у моих ног.

– Что – хорошо? – удивилась Вера. – А вдруг у меня сотрясение мозга?!

– Хорошо, что ножом не пырнул! – крикнула я. – Вера, я тебе бросаю пожарный рукав. Обвяжись им. Попробую поднять тебя!

Собрав жесткий шланг в охапку, я перевалила неудобную кипу через перила и отпустила.

– Уй! – воскликнула Вера.

Я опять безуспешно пыталась разглядеть, что происходит на краю крыши.

– Что, Вера? Кто-то появился?

– Нет, Алена. Никого нет. Конец шланга мне в коленную чашечку попал.

Когда же закончится этот вечер! Больше не поддамся на уговоры халявно отдохнуть за границей. Недаром говорят: сколько заплатишь, столько и получишь.

Вера наконец привязалась, дернула разок, оповещая меня. Я начала подъем.

С лестницы за моей спиной опять донеслись какие-то звуки. Кто-то там бродит – или я уже с ума схожу в этом особняке? Как в готическом романе, ей-богу!

На самом деле кто-то действительно может объявиться за спиной. Вон Чиву же всплыл откуда-то. Нельзя исключить и появления других сомнительных личностей. Нужно торопиться.

На этот раз из темноты проступило лицо не начальника охраны, не Анри Жаке в темной шляпе и темных очках, даже не графа Дракулы, а Верочки. Милое очкастое лицо Верочки

Шабровой, которая морщилась и держалась за голову. Видимо, за то место, в которое попал Чиву. Что ж, око за око – я отплатила ему тем же.

Мне оставалось выбрать метра два, чтобы взять Веру за руку, когда за спиной зазвучали чьи-то шаги. Человек (скорее всего, мужчина) бежал по лестнице. Ступени натужно скрипели.

Шаги приближались слишком быстро, чтобы я могла что-то успеть. Надо же, ведь ждала, предполагала появление на балконе новых гостей, но ничего не предприняла!

А Верочка уже увидела гостя. И узнала его. Я поняла это по ее лицу.

Резко обернулась, продолжая держать шланг с Верочкой. Ей оставалось пройти два шага до перил.

Жаке! Собственной персоной, в черной широкополой шляпе.

Почему, стоит мне где-нибудь остановиться, на это место начинает сползаться разная нечисть? Он влетел на балкон и замер в каком-то метре от меня.

Попалась!

Единственный вопрос, который волновал меня, – сумею ли одной рукой удержать Верочку, чтобы другой обороняться гранатой графина?

– Мадемуазель Алена! – произнес Жаке, сдвигая шляпу на затылок. – Охранник сказал мне...

Позади него, словно привидение, вырос очухавшийся Чиву. Все-таки у него нет мозгов. Такой удар выдержал, несколько минут провалялся без сознания, – а поднялся как огурчик.

Теперь их двое... Как все отрицательно!

Верочка позади меня с клекотом глотала воздух. Кажется, пыталась что-то сказать.

– Ну что, затравил меня, мусью Жаке? – спросила я. – Доволен, мерзавец?

– О чем вы, мадемуазель Овчинникова? Я не понимаю!

– АЛЕНА! СКАЖИ ЕМУ!!! – вдруг прорвало Веру.

Полностью сосредоточившись на французе, я не поняла, что должна сказать. Что он обманщик и убийца? Жаке это сам прекрасно знает и не устает доказывать.

Прозрение пришло слишком поздно. Я не видела того, что видела Верочка. Заметила только последнее движение.

Блеснуло лезвие.

И Чиву всадил нож в поясницу Анри Жаке.

Вера закричала.

Этнограф выгнулся дугой, рот раскрылся, словно Анри собирался что-то сказать, а в следующий момент из двери появился еще один человек.

Я зажала рот, чтобы сдержать крик.

Боже, какая я дура!

Голову нового посетителя украшала черная шляпа, а глаза скрывали черные очки. *Этот человек является главарем убийц, а не хозяин особняка!*

Почему должна произойти трагедия, чтобы я поняла все!

Жаке стал такой же жертвой преступников, как доктор Энкель, я, Верочка...

– Алена, зачем? – произнесла Вера, захлебываясь слезами.

Невольно я посадила Жаке на перо убийцы! Подставила хорошего ученого и прекрасного человека! Если бы слушалась его, все бы закончилось иначе. Мы с Верой уже сидели бы в лимузине, ожидая вылета в Россию.

Покаянные мысли захлестнули меня, превратив в безвольную куклу. Анри Жаке скорчился на полу почти на том месте, где минуту назад лежал Чиву, а человек в черной шляпе приблизился ко мне вплотную и сдернул с плеча шнур с хрустальным графином.

– Привет, Скалолазка, – произнес он шепотом, от которого по спине побежали мурашки. – Давно не виделись.

Я не знаю этот голос, но интонации... Откуда-то они сохранились в памяти, знакомые до боли, до ужаса. Он... знает меня?

Свою мысль я не успела додумать. Как не успела разглядеть, сколько еще подручных моего знакомого незнакомца вбежало на балкон. Тяжесть квадратного графина я в полной мере прочувствовала на собственной голове.

Удар перебросил меня через перила. Лихо так. Перелетела, как гимнастка через перекладину. И выпустила шланг, на котором болталась Верочка.

В голове туман.

Грохот слышался почему-то обрывками. Чувствовала, что качусь по скату крыши, но казалось, будто это не мое тело. Руки-ноги – словно стальные чушки. Никакой боли.

Я лениво обнаружила, что кровля резко закончилась. За ней открылась пропасть. Мне бы ухнуть туда, птицей пролететь два этажа и соединиться с далекой водой. Я уже прыгала сегодня с крыши – ничего в этом страшного нет. Внизу придет тишина, наступит покой...

Внутренний голос пытался прорваться сквозь вязкую пелену сознания, пытался докричаться до меня: «После такого удара, Алена, ты не всплывешь. Уйдешь на дно камнем, да там и останешься. Твоя подкорка временно отключилась, ты ведешь себя неадекватно».

Вроде правильно голос говорит.

Я нехотя вскинула руки.

Сильный рывок едва не вытряхнул кости из суставов в плечах. Я взвыла. Меня швырнуло за край, ноги и тело провалились в пропасть, но я крепко уцепилась за водосток. Жестяной желоб противно скрипнул, изогнувшись.

В голове – то светло, то темно. И еще – ужасно хочется спать.

Человек в черной шляпе. Не Анри Жаке. Он чуть не убил меня, крепко вырубив и почти сбросив в реку.

Человек, который назвал меня Скалолазкой.

Он знает мое прозвище. Но откуда?..

Муторно. Я стиснула зубами язык. Глухо закричала.

Во рту распространился солоноватый привкус крови, но боль привела в чувство.

Медленно закинула ногу, подтянула тело, размышляя, зачем совершаю такие сложные движения. Перекатилась на край. Вот я и на крыше. Боже, как хочется спать!

Издали, словно с другой планеты, услышала голос человека в шляпе. Слова скатились по крыше и влетели в мои уши.

– ...Дело сделано. Уходим... Спускайтесь тихо, транспорт ждет... Да, и подберите девочку...

Наверное, он говорит про меня... Нужно куда-то спрятаться... Только куда? Крыша открыта со всех сторон!

Нужно... Но я не могла двинуть ни рукой, ни ногой.

А потом веки опустились сами собой, и я провалилась в забытье.

Глава 4

Гонки на лимузине

Меня разбудило нудное гудение. Французский комар искал место для посадки. Я хлопнула себя по уху и от этого проснулась.

Никакого комара не было. Гудение доносилось откуда-то снизу.

С трудом разлепила веки и обнаружила, что темнота чуть отступила. Тучи разошлись, освободив краешек луны. Безразличные звезды напоминали дыры в дряхлом покрывале.

Слева пропасть. Все еще лежу на краю злополучной крыши.

– Вера-а! – с трудом позвала я. Губы – такие неповоротливые, словно на них засох клей.

Тишина. Ни слова в ответ. Только надсадное гудение.

Я свесила голову через край и все поняла. Ну конечно. Теперь ясно, как банда пробралась в особняк.

Вверх по реке удалялись несколько лучей, как будто от автомобильных фар. Иногда один из них выхватывал белый вспененный след или корпус остроносой моторной лодки.

Катера. Именно они издавали звук, который я приняла за комариное пение.

...и подберите девочку...

Это приказ человека в шляпе. Он говорил обо мне... Конечно, обо мне. Ведь откуда-то мы с ним знакомы.

В висках жарко пульсировала кровь, голову сдавил железный обруч, на глаза надвинулась мрачная тень... Ну и удар перенесла! Как только в речку не скатилась! Скалолазные инстинкты спасли. Подонок в черных очках едва мозги не вышиб! Это Чиву можно бутылкой по голове стучать, как по деревяшке. Ничего ему не будет. А мне нельзя?.. Интересно, мозги не перемкнуло? Надо проверить... «Знание» по-гречески – «гнозис», а по-латыни – «когнитиво»; «озис» – «дисциплина»... Вроде не наврала. Языки, кажется, помню, остальное приложится.

– Жива, – облегченно пробормотала я.

Болевой спазм отпустил.

Почему-то помощники человека в шляпе не выбрали меня. Не выполнили приказ. Пошарили, пошарили по крыше, да и махнули рукой. Однако странно...

– Вера-а! – позвала я уже громче и осеклась.

Во мне родилось страшное предположение. Скорее, даже уверенность.

Холуи вместо меня выбрали Веру!

Я обернулась на огни удаляющихся моторок. С трудом поднялась.

...только не забудь меня здесь...

Это слова Верочки.

В груди защемило.

Получается, я бросила ее на проклятой крыше. Отдала на растерзание зверям в обличье людей.

Ноги не держали, поэтому двигалась на четвереньках. Долго ли ползла – не помню. Мозги заволокло туманом, словно конопли накурилась. Но в конце концов нашла пожарный рукав.

Он свешивался с крыши. Вытянула его полностью.

Так и есть – на другом конце нет никакой Верочки.

Они схватили ее и увезли с собой. Вместо меня.

Лучи прожекторов моторных лодок один за другим исчезали за поворотом реки. Через секунду не осталось ни одного.

От парадного донесся короткий гудок. Похоже на полицейскую сирену. Они так включают ее, когда требуют уступить дорогу.

Я с трудом поднялась. Еще не поздно. Моторная лодка – не ракета и даже не отечественный автомобиль. Далеко не уедет. Надо поторопиться, предупредить полицейских. Они сумеют догнать преступников. Нужно только сообщить! Сказать, что там Вера...

Я схватилась за опостылевший пожарный рукав и, торопясь, стала подниматься по крыше. Первые метры не чувствовала уверенности в ногах. Коленки тряслись, икры дряблые, ступни вообще напоминали тапочки – не ощущали ни холода, ни тепла. словно напрокат взяла. Но потом слабость прошла, чувствительность вернулась. И в голове просветлело.

Быстрее. Я должна добраться до полицейских. Похищена женщина, гражданка России. Подружка моя. Нужно оцепить район, реку. Еще возможно настигнуть похитителей. Я уверена, что Вера жива, что изверги в желтых ливреях не убили ее и не сбросили тело в реку.

Вот и перила, за которые узлом «констриктором» привязан пожарный шланг. Моя работа.

Я перескочила через поручень и едва не наступила на уткнувшегося в пол Жаке. От неожиданности и ужаса закричала.

Черное отверстие в спине, оставленное лезвием Чиву, показалось огромным. Вокруг него чернело пятно.

Господи, что же я наделала! Подозревала невинного этнографа в мыслимых и немыслимых грехах! А в результате подставила его под нож.

Опустилась на колени и осторожно перевернула француза. Когда отняла руку, то обнаружила, что ладонь вся в крови.

Жаке простонал.

Увозимая в моторной лодке Верочка сразу отошла на второй план. Да, я обязана спасти подругу. Мою лучшую подругу, которая всегда бескорыстно мне помогала.

Но не могу же я бросить раненого человека!

Что делать?

Мучительный выбор разрядился слезами.

– На помощь! – наудачу прокричала я.

Ни слова в ответ. Никто меня не услышал. Здесь, на темной крыше, казалось, что особняк над рекой умер. Если и присутствуют рядом души, то исключительно мертвые. Прежние хозяева дома на реке безмолвно наблюдают за моими страданиями.

Как в кино.

Помнится, на Крите мне удалось спасти бывшего мужа, действуя быстро. Врач тогда сказал, что если бы Леха потерял чуть больше крови, то вряд ли бы выжил. С тех пор крепко затвердила два слова – тампон и скорость.

Нужно чем-то остановить кровь. Заткнуть рану. И как можно быстрее вызвать доктора.

Прижала к сочащейся ране платок, который нашла в кармане Анри, перетянула повязку ремнем от его брюк. Крови вытекло немало. Вся рубашка пропиталась ею. Перемазала в крови руки и платье. Да черт с ним – с платьем!

По узкой лестнице, ведущей с балкона, я спустила раненого француза на своих плечах. Очень осторожно, медленно одолевая ступеньку за ступенькой. Анри оказался легким. А может, просто много крови потерял?.. В любом случае, мне не привыкать таскать на спине груз. Хороший альпинистский рюкзак, если набить под завязку, весит почти как шуплый этнограф.

Наконец лестница закончилась, и я вышла в пустой коридор. Пара незнакомых маркизобразных личностей с презрением взирали на меня с портретов. Пошли к черту!

– Кто-нибудь! На помощь! – закричала я. – У меня здесь раненый!

Снова никто не откликнулся. Черт, ну где же они все?

Коридор показался на редкость длинным. Таким же длинным, как восхождение на пик Победы. Я сама не ходила – молодая еще, – но мне рассказывали про изнурительный и кажу-

щийся бесконечным путь к вершине. Все-таки Анри не легок. Это вначале он показался не тяжелее рюкзака. А теперь с каждым шагом придавливал к полу.

Появилась знакомая развилка – коридор завершался рекреацией, из которой в основной зал спускалась лестница. Я вдохнула поглубже и заспешила к ней. Уже вижу людей внизу. Несколько мужчин в смокингах – явно гости – сгрудились возле стены, чего-то ожидая. Посередине зала замерла этнографическая экспозиция галльской деревни. Глиняная посуда и блеклые деревянные постройки среди полированного мрамора и богатого декора – этакий островок древности, перенесшийся из прошлого. Он казался ненастоящим – протяни руку, и она легко пройдет, словно через голографическую проекцию. И ради этой виртуальной картинки состоялся вечер, принесший столько несчастья!

Тело доктора Энкеля отсюда не видно. Неужели он до сих пор стоит, прислоненный к стене?

Я притормозила возле перил, чтобы перевести дух. И тут же вверх по лестнице ко мне рванулись двое французских жандармов в смешных шапочках и в синей униформе с белыми портупьями. Совсем как у Луи де Фюнеса в старых комедиях.

– Быстрее! – закричала я им. – Нужен врач! И нужно догнать преступников! Они уходят по реке!

Уже на верху лестницы полицейские неожиданно вытащили короткоствольные табельные револьверы, и я поняла, что дела мои плохи. Просто хуже некуда.

На лицах жандармов застыло выражение непререкаемой правоты. Они не слышали ничего. А может, не желали слушать.

– Отпустите заложника! – заорал один из них, тыча в меня револьвером. По голосу я поняла, что это женщина. – Отпустите заложника! Бросьте оружие!

Добрые дела – это всегда неприятности. Над добрыми делами смеются, за них лупят по черному. Добро люди обычно не приемлют. Сколько раз я горела на этом! Еще в школе – на контрольных по истории – подружки, которые списывали у меня, получали «отлично». Мне же доставалось «удовлетворительно». Теперь, кажется, понимаю, что так наша «историчка» Марья Степановна пыталась отбить у меня желание делиться с посторонними своими знаниями. Возможно, она была права: необходимо ценить собственный труд. Но ее старания пропали зря. Как я могла не дать лучшей подруге Галке посмотреть мою тетрадку?..

Вот и сейчас. Спасая человека, а окружающие этого не видят.

Два ствола глядели в мой лоб черными отверстиями – я даже могла различить нарезку внутри них.

Что же эти жандармы такие тупые! Где оружие, которое я должна бросить? Светкино платье обтягивает меня, словно вакуумная упаковка. Да, с ног до головы я заляпана кровью – будто только из разделочного цеха! Но должны же они быть повнимательнее и заметить, что я держу на руках раненого!

– Послушайте...

– Отпустите заложника! – Голос женщины-жандарма сорвался в конце фразы. Нет, это в самом деле серьезно. Так серьезно, что описать можно. Даже напарник женщины оторвался от меня и опасно глянул на боевую подругу.

Демонстративно медленно, чтобы не провоцировать жандармов на расстрел, я опустилась на колени, сгрузив тело Жаке на пол. Оба дула напряженно сопровождали меня.

– Послушайте, – попробовала я снова. – Этому человеку срочно нужен врач. И еще. Настоящие преступники уходят. Их можно догнать. У них как раз находится заложник!

– Бросьте оружие! – озлобленно повторила женщина. Как же ее переключило!

– Вы что? Вы не должны в меня стрелять, не я злодейка на сегодняшнем вечере. И потом, если вы пристрелите меня, погибнет и моя подруга... Как вы этого не понимаете!

– Бросьте оружие! – заорала женщина.

Она приблизилась ко мне и почти уперла дуло в мой лоб. Ее напарник остался позади. Выглядел он растерянным и уже не целился. Явно не ожидал такой истерики от коллеги.

– Анна... – осторожно произнес он.

– Замолчи! – закричала женщина. – Где...

Я не позволила ей закончить. Молниеносным движением ухватила за ствол, резко рванула на себя. В чопорной рекреации раздался варварский звук сломанного пальца... и револьвер оказался в моих руках.

– Назад! – заорала я, направив железную игрушку в блюстителей порядка. – Бросить оружие!!

Взгляд женщины-жандарма оставался безумным, когда она пятилась, сжимая кисть правой руки. Раздался глухой стук. Ее напарник бросил на паркет свой табельный, поднимая дрожащие ладони.

– Как вам не стыдно! – сказала я, не опуская револьвера. – Вы должны бороться с бандами. А сами толкаете людей на преступления. Где ваш разум?

Они меня не понимали. Я видела это по глазам. В них читался только страх. Как бы «кровавая Мэри», только что прирезавшая месье в смокинге, не устроила парочке добросовестных жандармов глубокий свинцовый массаж.

Я махнула на них рукой, подошла к мраморным перилам и крикнула вниз:

– Здесь есть врач? Срочно нужен врач! У меня раненый!

От компании мужчин отделился немолодой человек, с сомнением поднял подбородок, глядя на меня.

– Быстрее сюда! – крикнула я ему. – Здесь раненый!

Пока он неуклюже взбирался по лестнице, мальчик и девочка, игравшие в полицейских, изумленно пожирали меня глазами. Кажется, до них что-то дошло. Черт возьми, неужели для пробуждения их разума обязательно ломать им пальцы и махать под носом револьвером!

Добравшийся до нас врач покосился на короткоствольный аргумент в моей руке, но, заметив этнографа, тут же кинулся к нему.

– Господи! Это же Анри! Что с ним случилось?

– Его пырнули ножом.

Я опустила револьвер. В нем больше не было нужды. Раньше мужчина-жандарм сомневался, а теперь и вовсе убедился в моей непричастности к преступлению. Во взгляде женщины пропала истеричность. Осталась только дикая боль, заставившая ее прижаться к стене и исторгать безмолвный крик.

– Он будет жить? – спросила я врача, кусая окровавленный ноготь.

– Надеюсь... – ответил он, наклоняясь к губам Анри. – Да, он дышит. Нужны бинты, марля, антисептики...

– Вы поможете? – спросила я мужчину-жандарма.

– Да, – с готовностью закивал он. – Конечно.

Я протянула ему револьвер и только тут поняла, что до сего момента никогда не держала в руках страшное изобретение человечества. Надо же... Угрожала пистолетом, даже не зная – заряжен он или нет. Такой маленький, но тяжелый... Весомое средство убеждения.

Жандарм взял револьвер – на какое-то мгновение меня кольнуло сомнение, – но опустил оружие в кобуру.

– Нужно догнать преступников, – сказала я. – Они уходят по реке. В их руках находится заложница...

Парень растерянно обернулся к напарнице, которая, прижавшись к стене, продолжала беззвучно хватать ртом воздух. Понятно, кто у них главный. Шефу сейчас не до преследования, у нее небольшие проблемы. А помощник, похоже, способен только щеголять в полицейской форме и кричать: «Руки вверх! Нашпиговую пулями, как утку яблоками!»

– Вы приехали вдвоем? – спросила я.

Он пожал плечами, подразумевая: «А что, собственно, такого! Убийство есть убийство. Не в первый раз. Зачем здесь толпа».

От полицейских толку не будет. Ожидать других – бессмысленно.

Веру нужно спасти самой. Раненому этнографу подсобила, как могла. От меня больше ничего не зависит.

Я в последний раз взглянула на бледное лицо Жаке, рывком оторвала кончик ногтя и понеслась вниз по лестнице.

Сколько же потеряно времени на бестолковых жандармов! Моторные лодки, конечно, не реактивные, до Африки не успели добраться, но догоню ли я их?

Думая об этом, вылетела на парадное крыльцо. Толпившиеся там дамы и месье шарахнулись от меня, как от чумы. Еще бы... Выгляжу так, словно прирезала парочку капиталистов, причем исключительно из идейных соображений.

Прямо перед входом стоял пустой патрульный «рено» с мигалками. Такого же синего цвета, как форма жандармов. Я на мгновение притормозила возле машины.

А что, если... Нет, всполошатся другие «законники», обвинят в краже имущества французской жандармерии. Я огляделась и увидела чуть поодаль, под сенью деревьев, длинный ряд лимузинов.

Свой обнаружила сразу. На его капоте устроился наш чернокожий водитель. Он курил, окутав себя клубами дыма, словно паровозная труба. Весьма кстати!

Кинулась к задней дверце:

– Скорее! – закричала я. – Едем!

Напугала его. Чернокожий поперхнулся дымом, поспешно выбросил окурок и запрыгнул в кабину.

– Больше никого ждать не будем? – поинтересовался он через маленькое окошко.

– Нет. Поторопитесь!

Мы выехали со стоянки, прокатили мимо парадного, мимо рокошущей светской толпы, минули распахнутые кованые ворота и оказались за пределами особняка.

Сразу ухнули в темноту. Фары лимузина светили как два прожектора, но за пределами лучей ничегошеньки не было видно. Тучи опять заволокли луну и звезды. Все в этот вечер складывалось против меня!

Река должна находиться рядом с дорогой, за деревьями. Запомнила, когда мы ехали в особняк, предвкушая удивительный вечер.

– Так куда направляемся? – спросил водитель.

– На реке поблизости есть причал?

Шофер помолчал, затем ответил:

– Вы пили сухое или крепленое?.. В любом случае, огорчу вас. Мы едем по *дороге* на *лимузине!*

Я заскрежетала зубами. Каким разговорчивым сделался наш водила! По дороге сюда молчал, словно пришибленный. Что он курил?

– Я прекрасно понимаю, где нахожусь, – произнесла, почти не разжимая зубы. – Я спрашиваю вас, где на реке ближайший причал?

– Я что, лодочник? Я – водитель лимузина! Если хотите знать, это призвание!

Призвание? Водитель лимузина? Нет, он точно обкурился.

– Как долго дорога идет вдоль реки?

– Километра четыре.

– А потом?

– Шоссе поворачивает на Пуатье.

Да, я помню. Поворот был крутой, градусов под девяносто.

Посмотрела в окно, надеясь увидеть огни моторных лодок, но обнаружила только свое призрачное отражение в стекле.

– А что находится дальше по реке?

– Какая-то ферма, свинарники.

– К ним должна вести дорога! – обрадовалась я.

– Да, кажется, есть проселочная.

– Нам туда! – заключила я и полезла в свою сумочку, лежавшую на сиденье. Где-то в ней был платок. Надо вытереть кровь. А то люди пугаются.

Водитель молчал, пережевывая мои слова. Я чувствовала, что скоро последует ответ. С величайшим удивлением извлекла из сумки дорожные духи «Лили Прюн»...

Вот те раз! Откуда они тут взялись? Кто подложил?..

Вслед за духами вытянула длинную цепочку, сверкнувшую бриллиантами.

В этот момент в окошке появилось лицо водителя.

– Вы что, спятили? Ехать на лимузине по проселочной дороге...

Он осекся, глядя на меня. А я не могла вымолвить ни слова, глядя на него.

Это совершенно другой водитель! Тот, что встречал нас в аэропорту, был полноватым, степенным. А этот – рэпер какой-то с выпученными глазами. Как я не заметила раньше! Лимузин, в который я запрыгнула, совершенно чужой. Только сейчас поняла. Кто в здравом уме подсунет в мою сумку «Лили Прюн» и бриллиантовое кольцо? Да и не моя это сумка! И норковое манто, брошенное на сиденье, тоже не мое. Я такие только по телевизору видела – на подружках банкиров и на женах политиков.

Как все отрицательно!

Водитель заорал. Он меня наконец разглядел. Особенно живописно, наверное, выглядят кровавые пятна на лице и на платье.

– Ладно, чего теперь орать, – успокоила его я.

– Кто вы?

– Уже не важно... – Проекторы лимузина выхватили из темноты указатель развилки. – Езжай прямо, на проселочную!

Итак, мои вещи и документы остались в другом лимузине. Вернуться? Каждая минута промедления может стоить Верочке жизни.

Переход на грунтовую дорогу известил о себе ощутимым толчком. Я снова поглядела в окно.

Ни одного огонька на реке, хоть тресни! А что, если мы уже проехали мимо? Что, если бандиты пришвартовали катера не у пристани, а где-нибудь возле берега? Пересели в автомобили и были таковы!

Развивать эту мысль не хотелось. Ясно, что тогда у меня мало шансов догнать головорезов.

Единственный разумный выход – упрямо переться вдоль реки.

– У вас есть минеральная вода? – спросила я.

– Посмотрите в холодильнике, – недовольно бросил водитель.

Кровь пришлось смывать ледяной минералкой. Другой вариант – шампанское «Лоран Перье», тоже из холодильника. Одноразовые салфетки, которыми я вытиралась, кидала в ведерко для льда. Под конец оно превратилось в урну хирургической операционной после десятичасового полосования какого-нибудь бедолаги.

Когда подъехали к небольшой обшарпанной ферме, удалось привести себя в порядок. Стерла почти всю кровь с лица, рук и шеи. В ткань платья она впиталась подобно грунтовке, которой покрывают ржавчину. В походных условиях удалить ее невозможно. Придется ходить так – благо ночь нынче темная.

Двор фермерского особняка был освещен, и я с облегчением увидела за постройками темную ленту реки. На наш требовательный гудок из дома вывалился заспанный сельчанин с ружьем. После недолгого выяснения – что за перцы и откуда? – он любезно сообщил, что минут десять назад слышал гудение моторок.

Его информация меня весьма порадовала. Значит, все-таки я не упустила похитителей, иду по следу.

– А мы сумеем проехать вдоль реки? – спросила я.

Не снимая пальца со спускового крючка, фермер задумчиво почесал ствол лоб. Я жутко испугалась, что он ненароком высадит себе мозги. И снова мне придется оттираться минералкой, которая, кстати, почти закончилась.

– Дорога есть. Но вы вряд ли проедете.

Водитель тут же обеспокоено встрял в диалог:

– Может, вернемся обратно, мадемуазель?

Я проигнорировала его вопрос и снова обратилась к фермеру:

– Дальше по реке есть какие-нибудь пристани, лодочные станции?

– Километрах в восьми пристань селения Шате. Только туда вам не добраться. За километр до Шате дорогу пересекает протока, через которую нет моста. Да и до протоки вы не доедете на своем корыте.

– Эй! – крикнул задетый водитель. – Осторожнее со словами!

– Как же перебраться на другую сторону протоки? – продолжала я допрос.

– Нужно сделать крюк. Вернуться на трассу, проехать в сторону Пуатье километров пятнадцать, дальше есть поворот к пристани.

Двадцать километров по трассе – это как минимум двадцать минут. На такое время покидать реку я не собиралась. Боялась потерять след моторных лодок. Проклятье! Что же делать? Если бы знать, куда похитители держат путь!

– Поехали! – приказала я.

– Назад? – с надеждой спросил водитель.

– Нет. Прямо.

Не знаю, что имел в виду фермер, когда упоминал о плохой дороге. Это у нас, в российской деревне, если слышишь о таковой, то живо в деталях представляешь глубокие канавы и колдобины, в непогоду залитые водой. Грязищу, в которой легковушки тонут по крышу, надеясь пройти по колею трактора «Беларусь». А французский проселок мне показался вполне пригодным для передвижения. Даже гравием посыпан.

Я опустила тонированное стекло, глядя в ночную мглу. Все пыталась различить что-нибудь на реке. В помощь из-за туч выглянула луна, осветив контуры берегов и темную линию леса. Моторки словно и не ходили тут никогда. Ни следа не осталось... Да и как обнаружить след на воде? Это на дороге или в лесу след можно увидеть, пощупать, попробовать языком... А в воде – был он и нет! Одни рыбы чего-то видели, так они обычно помалкивают.

Автомобиль подбросило на кочке, и я врезалась головой в потолок.

– Вот, черт! – пробормотала, потирая макушку. Досталось сегодня моей головушке, все сыплется на нее. Чего доброго – языки позабуду и останусь без средств к существованию.

Снова одолел страх, что лодки где-нибудь уже причалили. А вдруг на другом берегу? Тогда я их наверняка потеряю...

– Стой! – громко крикнула водителю.

Выскочила из салона и кинулась к берегу. Низкий кустарник царапал голени. Камни впились в пятки, и я вспомнила, что до сих пор босиком. Мои туфли остались в одной из комнат далекого теперь особняка Анри Жаке.

Вот и след на воде!

Здесь, видимо, находилась отмель. Круглые листья кувшинок сходились в центре реки, пересекая водное полотно наподобие браконьерской сети. В этой природной «сети» проступала черная рваная полоса.

Лодки прошли здесь!

Я вернулась в лимузин, мы поехали дальше. Однако путь наш оказался недолгим. Через пару сотен метров мой обкуранный водитель прозевал яму, и лимузин ухнул в нее передними колесами.

Раздался металлический удар.

Меня сбросило на пол.

Водитель попробовал сдать назад. Машина даже не шелохнулась. Похоже, судно село на мель.

– Приехали, – обреченно сказал чернокожий шофер и выругался такими словами, которых я раньше не слышала во французской речи. Из любопытства в другой раз попросила бы его повторить фразу и даже записала бы, но в тот момент, как говорится, ситуация не располагала.

Из лимузина мы вылезли синхронно. Водитель присел возле передних колес, а я, оперев руки в бока и кусая губы, опять уставилась на реку. Снова ничего не видно и не понять – были здесь лодки или нет?

От реки несло свежестью, ночные цикады робко, по одной, заводили свои песни. Откуда-то издалека донесся раскатистый звук, напоминавший шипение выпускаемого пара. Что за ерунда?

– Ну, еще долго у вас там? – нетерпеливо спросила я. – Ехать пора.

Водитель резко поднялся, и мою спесь как рукой сняло.

– Если вы такая умная, может, подтолкнете лимузин? – с угрозой спросил он.

– Что, совсем плохи дела?

Вместо ответа водитель злобно засипел, и я заткнулась.

Все. Осталась без колес. Неужели конец? Ну уж нет! Это колеса лимузина попали в яму, а мои ходули еще шевелятся.

– У вас найдется ручной фонарь? – быстро спросила я.

– Есть. Двенадцативольтовый.

– Давайте!

– Зачем?

– Я дальше пойду пешком.

– Автомобильный аккумулятор тоже с собой потащите?

Нет, он не издевался надо мной. Просто у парня была такая манера разговаривать. Да-а. Без фонаря придется туго.

– Когда вас вытащат из этой ямы, – сказала я напоследок, – обязательно сообщите в полицию, что... что...

Я так и не смогла сформулировать сообщение. Что украли Верочку? А я отправилась ее спасать? И теперь выручать из беды нужно еще и спасателя?.. А кто мы с Верой вообще такие? Кто о нас знает? Только Жаке, который – дай бог, чтобы выжил, – неизвестно когда придет в сознание.

Водитель устало ждал завершения моей фразы.

– В общем, передайте, что я пошла туда... – Я махнула рукой в темноту. – Желаю удачи.

И скользнула во мрак.

Ну и темная выдалась ночка! Просто жуть брала, и мурашки бегали по коже.

И без фонаря дорога чувствовалась хорошо. Мелкий гравий колот обнаженные ступни, постоянно напоминая, что я двигаюсь по нему. Некоторое время оглядывалась на фары лимузина, затем спустилась с горки, и свет исчез, оставив меня в одиночестве.

Во тьме.

Я темноты не боюсь... Но находиться в ней одной страшно и неудобно. Каждую тень воспринимаешь притаившимся в кустах вурдалаком, каждый шорох кажется предвестником нападения... Короче, боюсь я темноты! Как бы ни уверяла себя. До дрожи в коленках боюсь!

Дорога неожиданно закончилась. Я сначала не поняла, что приятно шлепаю голыми пяточками по мягкой травке. А потом доперла. Гравий закончился, и вместе с ним закончилась дорога.

Пока соображала, закончилась и травка...

Я поскользнулась.

Проехала на пятках по скользкому обрыву пару метров.

Едва не опрокинулась лицом вниз, но удержала равновесие.

Взмыла в воздух и... рухнула в воду.

Бултых!

Мамочки!

Темная вода приняла меня, ноги ушли в мягкий ил. Водоросли щекотали ладони, отчего-то напоминая волосы утопленников.

Вода доходила до плеча. Ступни месили мягкое тесто, но проваливаться я перестала.

Бррр! Какая холодная вода. Куда меня занесло?.. Хотя, стоп! Так это же протока, о которой упоминал фермер!

Я вытащила ноги из илистого дна и в несколько мощных гребков достигла берега. Вылезла на сушу, стуча зубами и дрожа всем телом. Опять насквозь промокла.

Устало поплелась во тьму. Пыталась согреться, махая руками, словно ветряная мельница. Река безмолвно сопровождала меня. Моторных лодок не было и в помине. Слово их и не существовало никогда. Казалось, будто я забрела на край света. Или на мир обрушился апокалипсис, осталась лишь я на Земле. Жуть!

Чем дальше шла, тем сильнее меня охватывало отчаяние. Как ни уверяла себя, что догнать моторные лодки не сложнее, чем пару раз плюнуть, – выходило, что дальнейшее преследование выше моих сил. Вымоталась я, словно после двухсуточного бессонного подъема на склон. Где искать лодки? Приходилось признать, что не сумела я выручить Верочку. Не смогла!

Оставалось только вернуться в особняк. Рассказать все полицейским. Не той парочке, заподозрившей во мне рецидивистку. Другим, которые займутся расследованием. Они, конечно, будут авторитетно кивать в ответ на мои призывы. Объявят розыск. Только когда это будет? Завтра? Слишком поздно!..

Ничего бы не случилось, если бы я глупейшим образом не заподозрила Жаке. Идиотка! Безмозглая идиотка, забывшая о том, что каждый третий мужчина носит шляпу. Вот и подставила Жаке... И потеряла Веру, пообещав, что не оставлю ее. Она и во Францию меня взяла, потому что боялась лететь одна. Ни разу не бывала за границей... Она вообще не приспособлена к быту. В организме что-то перекошено с рождения...

Но я же не знала! Я пыталась исправить ошибки.

Все мои терзания и оправдания – ничто по сравнению с несчастьями, которые навалились на Шаброву. С бедой, в которую угодил Жаке.

А еще эта странная жидкость, которую мне передал доктор Энкель. «Мертвая вода»? Что она из себя представляет?

Как все переплелось в этой сумасшедшей поездке во Францию.

Жалея себе и оплакивая свою дурацкую судьбу, я неожиданно вышла к указателю. В темноте было не разобрать, что на нем написано. Пришлось пальпировать едва ощутимые полоски засохшей краски, образующие буквы на алюминиевом щите.

«Шате»...

Это селение, о котором рассказывал фермер! Все правильно. Оно находится в километре от протоки, в которую я ухнула. А возле селения должна быть пристань!

Чем черт не шутит...

Вновь закатав подол Светкиного платья, я бросилась по дороге, у начала которой стоял указатель. Миновав небольшую рощу, оказалась на развилке.

С одной стороны горели огни нескольких уютных особнячков. Видимо, это и есть селение Шате. По-нашему – деревня. С другой – одинокий фонарь, освещавший небольшую будку со спасательным кругом над дверью, и деревянный помост, уходивший в реку. Бросилась туда.

Как и предполагала, помост не предназначался для того, чтобы полоскать белье в реке. Конечно, пирсом его тоже назвать было нельзя, но если с обеих сторон к нему причаливают лодки, значит, это пирс по определению.

Среди моторных лодок, пришвартованных к помосту, выделялись три совершенно новые – от бортов и моторов даже рекламные наклейки хозяева не отодрали. Я спрыгнула в одну, дотронулась до двигателя и тут же отдернула руку.

Горячий...

Лодки только причалили. Куда же подевались пассажиры?

На деревянном настиле дна что-то блеснуло.

Я наклонилась и подобрала непонятный осколок. Стеклянную каплю. Повертела в руках и сунула в вырез платья на груди. Потом разберусь, что это такое...

Следов крови в лодках я не нашла. Это позволяло надеяться, что Веруня еще жива.

Вернулась на берег и на земле возле будки обнаружила отпечатки широких протекторов. Значит, компания пересела в автомобили. Судя по следам шин – на внедорожники. Теперь ищи-свищи их! Внутри все оборвалось, сделалось зябко. Лодки я нашла, а что толку! Куда направилась бригада гастролирующих подонков?

Откуда-то издали снова прилетел пространный звук, напоминавший вырывающийся пар, – его я уже слышала. Только теперь он сделался ближе, отчетливее и шел откуда-то с неба. Я задрала голову.

Над селением Шате поднимался очерченный огнями темный контур. В первый миг мне показалось, что это огромный НЛО. Внеземной разум прилетал посмотреть: вступать ли с нами в контакт, или не мучиться и сразу уничтожить?.. Но через секунду я поняла, что это просто-напросто самолет.

– Где-то рядом находится аэродром! – обрадовано воскликнула я.

Когда добралась до аэродрома, ноги почти не держали. Не останавливаясь, бежала от самого Шате. Километра четыре по асфальтовой дороге. Направление указал парнишка лет десяти, который встретился в селении. Откуда-то топал с комиксами «Человек-паук» под мышкой и игрушечным лазерным пистолетом на поясе.

Вероятно, аэродром когда-то был военным. Об этом свидетельствовал забор из ржавой колючей проволоки, окружавший взлетное поле. Я долго не решалась дотронуться до нее, опасаясь, что по ней пущен электрический ток. Страсть боюсь электричества! Однако пойманный кузнечик, насильственно посаженный на стальную нить, пару раз подпрыгнул и упорхнул в темноту – целый, не обугленный.

Преодолев колючую проволоку и поле, поросшее осокой, я добралась до спящего транспортного самолета. И за ним – нашла!.. Представляете? Нашла!

Я спряталась за массивным шасси, разглядывая все, что находилось вокруг.

Метрах в пятидесяти от меня стоял небольшой белоснежный самолет. Подозреваю – реактивный. На хвосте надпись: «Фалкон 2000». Возле него, чуть в отдалении, виднелись два джипа «мерседес» с хищными мордами. Все правильно. Следы их протекторов я обнаружила возле будки на пристани.

Возле внедорожников топтались какие-то люди. Наверное, среди них находились Чиву и человек в шляпе – мой старый знакомый. Кажется, начинаю догадываться, кто он.

Дверца-трап у кабины самолета была опущена. Возле трапа – никого.

Если Вера жива, она там. В самолете.

Я должна вытащить ее сейчас, пока сборище мерзавцев не погрузилось в свой реактивный гроб и не улетело в неизвестном направлении, сделав Франции ручкой. Тогда уж точно никого не отыщу. Если собралась что-то делать, Алена, то делай! Пока головорезы возле джипов заняты разговором... Спринтерский рывок к трапу... Несколько секунд на то, чтобы обнаружить в салоне Веру и освободить ее и... возвращение...

Планировать-то легко. Но ведь компания убийц стоит в каком-то десятке метров от трапа. Стоит одному из них обернуться, и он сразу обнаружит меня, бегущую к самолету сломя голову... Вот! Так и есть!

Один из них бросил беглый взгляд на площадку перед самолетом и вернулся к разговору. Потратил секунду. Держит под контролем обстановку... А сколько времени нужно мне?..

Я сорвалась с места, не осознав этого. Ноги распрямились, тело выстрелило вперед. Когда до разума дошел ужас совершенного поступка, пронеслась уже десяток метров. Мозги закипели возмущением. Так же нельзя! Не подготовившись и не просчитав все варианты... Не оценив положение звезд на небе. Не написав прощальное письмо бабушке с дедушкой...

Все правильно. Мой поступок приличные люди назвали бы авантюрой. Но возвращаться уже нет смысла. Поэтому подкинь дров в топку, Алена, и лети стрелой...

И я припустила к овалному провалу в фюзеляже самолета.

Раз-два, раз-два...

Хорошо что босиком. Шлепки босых пяток по бетонным плитам почти не слышны. Будь я на каблуках – цокот бы стоял, как на ипподроме.

Раз-два, раз-два...

Преодолела половину.

Люди возле джипов что-то обсуждали. Ветер донес обрывки слов. Как они близко!

Раз-два, раз... ОЙ!..

В пятку вонзился мелкий камушек. Боль прожгла аж до позвоночника.

Сбился темп. Камешек сорвался с пятки, но остаток пути я бежала, прихрамывая.

Один из людей начал поворачиваться. Но мне осталось всего ничего. Вот и трап...

Он повернулся как раз в тот момент, когда я влетела по ступенькам в салон. Врезалась в кожаное кресло у противоположного борта и рухнула в него.

Сердце тяжело билось в груди. Казалось, грудная клетка сейчас лопнет. Горло саднило, воздуха не хватало. Все силы положила на этот рывок. Сколько я рассчитывала провести в салоне? Несколько секунд? Эти несколько секунд я уже провалялась в кожаном кресле, пытаюсь прийти в себя.

Ну что, отдохнула, Алена? Нет? Все равно поднимайся!

Подняла голову, осматриваясь.

Салон реактивного самолета показался увеличенной и слегка искаженной копией салона лимузина, в котором я ехала всего час назад. Почти та же отделка потолка и стен, под ногами пушистый коврик. Такие же кресла из светлой кожи, только расположены они в несколько рядов. Разве что вместо стандартных автомобильных окон – круглые иллюминаторы. Ну и дверь, естественно, всего одна. Короче, этакий лимузин для очень богатых клиентов.

Я опустила ногу на ковер и почувствовала несравненное блаженство. Не надо никаких кресел. Опуститься бы на этот коврик и забыться спокойным детским сном...

Опомнись, девушка! Это не тот самолет, в котором ты могла бы поваляться на коврике. И времени у тебя нет! Живо ищи Веру! Ищу, ищу...

Сделала пару шагов и наткнулась на полированный столик из красного дерева. На нем беспорядочно валялись листки бумаги. При виде их я совершенно позабыла, зачем пробралась сюда. Мои подозрения и догадки получили документальное подтверждение. Вот проклятье!

Как я мечтала, что эта организация до конца моих дней будет стричь купоны где-нибудь на другом конце света. Наивные мечты!.. Все обстояло настолько плохо, что впору было намыливать петлю. Складывалось впечатление, что меня и этих ребят словно магнитом притягивает друг к другу. Взяла несколько бумаг. Первый документ – безымянный отчет на английском языке, премудрый и витиеватый. Содержание: об опытах на каких-то насыщенных графитовых стержнях. Я прочитала первый абзац и бросила. Сами посудите: «В результате взаимодействия достигнута ковалентная трансформация атомной решетки, приведшая к аллотропной форме...» Чувствую какая-то. Химия не мой профиль. Как и остальные точные науки.

Меня заинтересовал следующий документ, сама «шапка» которого обращала на себя внимание:

«Начальнику Западного бюро спецотдела. Срочно!»

1. По сведениям аналитического центра, во время известной категорийной неполадки произошла утечка „черного льва“. Получатель утечки ищет каналы сбыта. Необходимо срочно выявить Получателя, решить проблему, изъять остатки „черного льва“.

*2. После выполнения п.1 все силы направить на работы по проекту „FURUM“.
Левиафан».*

Левиафан. Вот так.

Я встала на пути конторы, рядом с которой даже зомби-людоеды кажутся веселой карнавальской компанией.

Когда десять месяцев назад я попала в крутой переплет на Крите, в затылок мне постоянно дышала некая могущественная и влиятельная Организация. Я все думала – мафия какая. Представители ее вели себя как последние отморозки. Оказалось, никакая не мафия. ЦРУ! Специальный отдел, перекрывающий террористам доступ к новейшим технологиям.

– Спецотдел ЦРУ, мать их! – прошептала я. – Считают, что борются с терроризмом. Но после их «борьбы» остаются горы трупов невиновных людей.

Человек в черной шляпе не кто иной, как их руководитель Том Кларк. Подпольная кличка – Левиафан. Откуда она взялась – представления не имею. Особые приметы: на вид лет пятьдесят, крепок, обаятелен. Никогда не снимает водолазку, воротник которой полностью закрывает шею. Мне кажется, Кларк прячет некую отметину на теле. Впрочем, не важно... Его помощником был дипломированный подонок Джон Бейкер. Именно его я молотком и пришибла. Не буду пересказывать, что они искали на Крите. Все равно не поверите.

Да и сама я по прошествии времени не очень-то себе верю. Сказкой та эпопея кажется.

Что же Левиафана заинтересовало здесь? Во что спецотдел ЦРУ опять сунул свой наглый нос?

«Черный лев», хм...

Согласно легенде Анри Жаке, которую ему в свою очередь поведал покойный доктор Энкель, «черный лев» – зашифрованное название «мертвой воды». С древнегреческих времен среди алхимиков было распространено мнение, что, по аналогии с растительным миром, неорганические вещества имеют живую суть. Например, «земным львом» именовали окислы зеленого цвета, «драконами» – горючие смеси. Считалось, что вещества могут расти и созревать. Вступать в единение с мужским и женским началом — ртутью и серой. Довольно-таки сложно все это, ну да алхимики – известные путаники.

А что понимает под «черным львом» мистер Кларк? В чем его ценность?

Из документов, которые я прочла в самолете, напрашивался следующий вывод. Американские военные разработали вещество, имеющее кодовое название «черный лев», или «мертвая вода». Какими свойствами оно обладает, не говорилось. Но, вероятно, весьма разрушительными.

И еще одно. В записке Тома Кларка прозвучало слово «FURUM». То самое загадочное слово из неизвестного языка, которое просил перевести меня доктор Энкель перед смертью. Что оно означает? И связано ли как-нибудь с таинственной жидкостью?..

Через распахнутый входной люк донеслись звуки шагов. Я замерла.

Господи! Что я прилипла к этим бумагам! Сунула голову в пасть крокодила и, задумавшись, забыла вытащить!

Спешно оглядела салон.

– Вера! – с надеждой позвала я.

Салон был пуст. Веры в салоне не наблюдалось. Выстрел в молоко.

Спина покрылась холодным потом. По трапу застучали чьи-то шаги. Крокодил захлопнул пасть.

Глава 5

Брюнетка из платяного шкафа

Помню, как однажды в пятом классе убедила подружек – и себя заодно, – что в школьном подвале дворник дядя Захар, кроме садового инвентаря, старых парт и банок с половой краской, хранит запас военного шоколада. Несколько ящичков. Еще с советских времен осталась партия. На случай атомной войны. Если вражеский удар настигнет школу в момент занятий, то ученики скроются в подвале и будут пережидать атомную зиму, поедая шоколадки. Тогда я считала, что в шоколаде содержатся все питательные вещества, на которых человек может прожить до полугода. Не знаю, с чего я это взяла. Кто рассказал, или сама придумала?

Как ярого сторонника «шоколадной теории», подружки благословили меня на проникновение в школьный подвал. Попасть в него можно было только через дверь, которая запиралась на амбарный замок. Ключ хранился в кармане кривоногого и страшного лицом дяди Захара (наш дворник иногда развлекался тем, что пугал второклашек, вынимая вставной глаз и прикидываясь циклопом). Я не стала красть ключ, если вы об этом подумали. Просто скользнула в приоткрытую дверь, когда дворник куда-то вышел. Пока я тайком шурувала в поисках военных припасов, Захар закрыл дверь на замок и отправился на выходные.

Так я осталась в темном подвале. Угодила в ловушку, которую сама себе и устроила.

Никакого шоколада на случай атомной войны, конечно, не обнаружила. Да и подвал был слишком маленьким, чтобы в нем могла уместиться вся школа. Зато испугалась до такой степени, что потом заикалась неделю.

Мои подружки тоже хороши. Вместо того чтобы позвать на помощь кого-нибудь из взрослых, которые вызвали бы дворника или, на худой конец, взломали дверь, целый день менялись у двери и утешали меня. Другого ничего не могли придумать. Боялись, что достанется от родителей по первое число. Но больше родителей они страшились гнева одноглазого дворника дяди Захара. Поэтому и на следующий день, в воскресенье, без толку болтались возле подвальной двери. В то время как мои бабушка с дедушкой в четвертый раз осведомлялись в морге, не поступала ли к ним одиннадцатилетняя черноволосая девочка.

В понедельник утром, когда дядя Захар вскрыл подвал, на пороге он столкнулся с призрачным чумазым созданием, при виде которого его самого едва не хватил инфаркт. Почувствовав свободу и узрев солнце, призрак дал такого деру, что пыль во дворе клубилась еще несколько часов. По крайней мере, именно так рассказывали свидетели из пятого «Б»...

Когда по трапу застучали тяжелые мужские шаги, мне не оставалось ничего другого, как броситься в хвост самолета. Туда, где находились туалет и полированные шкафы. Не разбираясь – не было времени, звуки шагов переместились уже в салон, – я влетела в первый попавшийся. Повезло – оказался с мужскими костюмами. Хорошо что не с подушками и наволочками, не влезла бы.

– Шкаф с костюмами, – прошептала я. – Пижоны...

Сквозь щелочку в двери видела кусочек салона. Как раз то место, где располагались стол и пара кресел. Мимо проследовала парочка в белых рубашках. Наверняка пилоты. Отправились сразу в кабину. За ними появились двое в серых костюмах. Таких же, что висели над моей головой.

Они остановились возле стола и заговорили на английском.

– Все равно не понимаю, – произнес один. – Зачем уничтожать то, что уже не существует?

– Голова тебе дана не для обдумывания приказов, а для их исполнения.

– Тупо исполнять не привык! – Голос непонятливого был с небольшой хрипотцой. – Я должен знать, что делаю.

– Появился еще один Получатель. Нужно изъять остатки. Дорога каждая капля, ты же знаешь...

О чем они? Еще один Получатель, к которому попал «черный лев»? А кто был первым Получателем? Доктор Энкель?

Вполне возможно.

Если честно, мне на их загадки наплевать. Мне бы выбраться из самолета. Только как? Дверь одна, и путь к ней ведет мимо этих серьезных мужчин.

Ну и что! Я их не знаю, значит, они меня тоже. Скажу, что гуляла, любовалась звездным небом. У меня тут рядом такой же самолет, вот и перепутала. Забралась не в свой.

Все! Решила! Нужно вылезать из шкафа.

Уже воображала, как скажу им: «А я еще подумала, кто это в салоне кресла передвинул!» – как услышала знакомые шаркающие шаги по ступенькам трапа. Раздавшийся следом голос поверг меня в шок:

– Ну что, расслабились? Расслабляться будете с пулей в голове.

Меньше всего я хотела снова услышать ужасный румынский акцент.

С первыми двумя мужчинами оставалась надежда выбраться из самолета. Когда упала в протоку, – платье отмылось от крови и сделалось почти чистым. Эти двое *могли* выпустить меня из самолета... Но вот появившийся третьим Чиву если и выпустит, то исключительно мои кишки. Он уже обещал сегодня почесать мне животик.

Я оказалась в той же ситуации, как и в темном подвале дворника Захара. Выход перекрыт. Я опять угодила в ловушку, которую сама себе устроила. Ловко это у меня получается. Сама капкан установила, открыла стальные дуги, да свою же руку в него и сунула...

Чиву выглядел ужасно. Череп бледный, над виском виднелся красный след от удара графином. (Моя работа. Даже небольшую гордость испытала.) Зубы румына скалились, с них разве что слюна не капала.

– Если кому-то и следует открывать рот, то безмозглему психопату – в последнюю очередь! – произнес мужчина, который чуть ранее пытался дойти до сути приказа.

Я едва слышно хихикнула в своем шкафу. Надо же, не одна я, значит, обратила внимание, что с количеством и качеством мозгов у Чиву определенные проблемы.

Румын взвился. Нервно завертел головой, зашипел. Не понравилось, что назвали безмозглым.

– Что ты сказал, Ричардсон? Да я тебе татуировку на печени сделаю! Клапаны на сердце ножичком прочищу!

– Слушай, – обратился мужчина к своему спутнику в сером пиджаке, – и зачем шеф таскает за собой этого придурка?

Чиву забулькал что-то на повышенных тонах, а я, нервно кусая ноготь, принялась думать, как же мне все-таки выбраться из самолета. Однако, сколько я не перебирала вариантов, все сводились к одному: пока Чиву здесь, нечего рыпаться. Скорее всего, Веры уже нет в живых. Убили, сволочи. И сбросили в реку. Черт возьми! Ей уже не помочь. Себя спасать надо.

Как же отсюда выбраться?

– Зачем шеф пихнул его в наш самолет? Летел бы с ним сам!

Фраза принадлежала Ричардсону, который переругивался с Чиву. Я насторожилась. Значит, самолет не один! И Том Кларк полетел в другом.

Может, и Вера жива? Может, она с Левиафаном-Кларком?

Ох, как я запуталась! Нужно скорее выбраться отсюда!

Из салона донеслось шипение гидравлики, следом раздался громкий хлопок. Мне не видно, но, кажется, закрылся люк.

Теперь я точно попалась.

В салоне прозвучал голос пилота, усиленный динамиком:

– Господа, пристегните ремни и приготовьтесь получить удовольствие от полета. До Плимута можете поспать.

Плимут! Если не ошибаюсь, это город-графство в Великобритании, стоит на берегу Ламанша. Совсем рядом, рукой подать...

Загудели двигатели. Самолет едва заметно дернулся и плавно покатился, разгоняясь. Я приоткрыла створку и выглянула из шкафа, надеясь разглядеть входной люк. Может, сумею открыть его и выпрыгнуть на ходу?

С моей позиции люк не просматривался. Зато если обернется кто-нибудь из людей в серых костюмах или, еще хуже, Чиву – я буду видна, как картина в Третьяковке.

Самолет катился по взлетной полосе. Костюмы над головой покачивались, дно шкафа мелко вибрировало.

Нет, уже не удастся выбраться из самолета, который превратился в мышеловку. Ведь не скажешь этим людям: «Уважаемые, притормозите возле светофора, я выйду». Может, в Плимуте смоюсь?

– Да, – пробормотала я едва слышно. – Ну и занесло тебя, Алена Овчинникова!

Насыщенный приключениями вечер вымотал меня, выжал, словно тряпку. Я силилась держать глаза открытыми, но веки падали, словно непослушный занавес. Когда шасси оторвалось от взлетной полосы, меня охватило вязкое забытье.

Я проснулась от хлопка.

Мигот открыла глаза. В голове никакого тумана. Сразу вспомнила, что сижу в платяном шкафу. Страшно перепугалась. Мне почудилось, что кто-то лезет сюда. Наверное, пиджак решил сменить.

Вокруг темнота. Мерный гул давал понять, что мы в воздухе. Продолжаем полет в Плимут. Сердце напряженно колотилось в груди, хотелось завопить что есть мочи. Я представила, как черная, невидимая в темноте рука вместо пиджака натывается на меня...

Через секунду поняла, что сон спугнула не хлопнувшая створка шкафа, а дверь туалета, который располагался напротив. Кто-то вышел из него... Так и есть. Я услышала тяжелые шаги, звук которых смягчал ворсистый ковер.

В темени застучал молоточек, боль заполнила голову. Я сморщилась, зажмурила левый глаз. Ох!.. Боль распространялась оттуда, куда меня двинул бутылкой человек в шляпе. Том Кларк по прозвищу Левиафан. Начальник спецотдела ЦРУ.

Неужели все еще летим? Сколько же я спала?

Понятия не имею. Черного громоздкого монстра – часы «Кассио Джи-шок» – оставила дома. Они капельку не гармонировали со Светкиным обтягивающим платьем, которое, кстати, лопнуло на бедре.

Я пощупала.

Так и есть. Через прореху прощупывалось бедро. Вот оно – материальное свидетельство моих походов на вечеринке Анри Жаке...

Повернулась, и тупые иголки вонзились в онемевшие ягодицы. Позвоночник превратился в палку. Расплата за сон в платяном шкафу. Единственная радость – выспалась.

Губы пересохли, хотелось пить. А еще – кушать. Причем так зверски, что готова была проглотить слона. Ведь на вечеринке ничего не успела съесть, кроме нескольких крошечных бутербродов с черной икрой.

– Я ему покажу... – раздалось из-за двери невнятное бормотание. Голос и акцент румына. – Американская собака! Я ему покажу, кто из нас безмозглый... Он узнает...

Бормотание переместилось от туалета в салон. Я приоткрыла створку шкафа.

В салоне было темно. Лишь два плафона тускло светились на потолке. Чиву удалялся от меня коронной шаркающей походкой. Его руки бережно сжимали дробовик.

Я с ужасом подумала, что Чиву знает обо мне! Случайно наткнулся, но не стал поднимать шум. Спокойно достал ружье, сейчас сообщит новость своим товарищам, которые мирно посапывают в салоне. Одного я даже увидела. Кажется, Чиву называл его Ричардсоном. Так вот, Ричардсон спал, закинув голову на подголовник кресла, которое стояло у противоположного борта. За его затылком виднелся иллюминатор с опущенной шторкой.

Но я напрасно за себя опасалась.

Вместо того чтобы обратиться к мужчине, румын встал перед ним и поднял ствол ружья.

Черное дуло уставилось в лоб спящему.

Я затаила дыхание.

Дробовик предназначался не для меня. Очень приятно. Но Чиву... Он что, никогда не читал про аварии в самолетах? Про то, как пуля или осколки взрывного устройства могут пробить кабину и на высоте двенадцать тысяч метров вызвать такую сумасшедшую декомпрессию, что нам всем мало не покажется! В том числе и самому Чиву.

Теперь я убедилась, что он действительно безмозглый. Но румын хотел доказать обратное.

Он ткнул ружьем в лоб Ричардсона, разбудив его.

– Ну что, американская собака?! – заорал Чиву бешено. Я невольно вздрогнула. – Сравним, у кого больше мозгов в голове?!

Все понятно. Его заела фраза, брошенная американцем на аэродроме. Румын так обиделся, что готов выбить коллеге мозги, рискуя собственной жизнью. Или не понимая, что он тоже может погибнуть.

– Вот идиот! – прошептала я.

Агент ЦРУ, в лоб которого упирался ствол, сжав губы, холодно изучал нападавшего. Рядом вскочил второй.

– Ты что, спятил? Брось ружье!

– А давай! – неожиданно произнес Ричардсон, обращаясь к румыну. – Стреляй! Хороший «Моссберг», мощный. Прошибешь мою голову и окно позади! Декомпрессия получится серьезная, не уверен, что пилот дотянет до посадочной площадки.

– Заткнись, американская собака! – завизжал Чиву. – Или нажму на курок!

Второй отступил. Испугался. Я сама покрылась мурашками. В самом деле – шутка ли! Под нами – двенадцать тысяч метров пустоты. Если вдуматься, ужас охватывает. Пассажирам бы сидеть в своих креслах – а кому-то в шкафу! – и молиться, чтобы самолет быстрее приземлился. Так нашелся же придурок, готовый разнести вдребезги скорлупку, хрупкую защитную скорлупку нашей птички!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.